

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Вадим
ДЕНИСОВ

Создатель
цикла
"Стратегия"

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ
ШТОРМ

День G

Вадим Денисов

Генетический шторм

«ЭКСМО»

2013

Денисов В. В.

Генетический шторм / В. В. Денисов — «Эксмо», 2013 — (День G)

ISBN 978-5-699-63230-5

Бывший спецназовец Игорь Залётин (известный в определенных кругах как Гарик Енисейский) любил наблюдать с балкона своего отеля, как пассажирские авиалайнеры заходят на посадку в аэропорт Адлера. Зрелище серебристой точки в небе, которая вдруг превращается в гигантскую, ревущую реактивными двигателями машину, завораживало его. Но в смерти, пришедшей со стороны моря, самолеты были неповинны. Незримый, но смертоносный генетический шторм захлестнул Черноморское побережье России и покатился дальше, по всему миру. В считанные часы Земля превратилась в постапокалиптический ад. И тот, кто еще вчера любил наблюдать за приземляющимися авиалайнерами, сегодня должен взвалить на свои накачанные плечи ответственность за судьбу человечества... Точнее, того, что от него осталось.

ISBN 978-5-699-63230-5

© Денисов В. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Денисов Вадим

Генетический шторм

Глава 1

Игорь Залетин отдыхает тихо и мирно, но в итоге видит страшное

Начиная этот рассказ о чудовищных событиях, произошедших в мире весной того памятного года, я вынужден осадить себя с самого начала – и так мне предстоит поступать впредь, раз за разом вспоминая и кляня свою самонадеянность. В силу своей молодости и обычного для такого возраста упрямства, в ту пору я наивно считал, что давно и полностью готов к любым экстремальным ситуациям – мало ли их было в короткой, но бурной жизни. Однако случившееся приземлило меня сразу и бесповоротно, заставив заново учиться понимать сущее и свое место в нем. Увы, до сих пор не могу признать, что стал прилежным учеником...

Уф, устал я что-то от сочинения сложных романтических предложений.

Короче: не впалду признаться – поначалу растерялся.

* * *

Больше всего мне нравилось смотреть с балкона на самолеты.

И не просто смотреть, а изучать летательные аппараты наяву и по снимкам, запоминать расписание рейсов и особенности взлета-посадки в самую разную погоду, определять привычки пилотов и оценивать ситуацию в воздухе вообще, словно я шпион вражеского государства, укрывшийся возле стратегического объекта.

Здесь отличное место для авиаспоттеров – аэропорт Адлера рядом, гостиница «Орхидея» стоит между глиссадами обеих взлетных полос. Первая, ВПП 06/24, подлиннее будет, 2900 метров, на ней и лежит основная нагрузка по пропуску авиатрафика. Вторая, ВПП 02/20, – покороче, хотя и ее удлиннили до двух с половиной км. Этого хватило: судя по наблюдениям с моего балкона, на взлетку плюхается все подряд. Главная же частенько закрыта, там, как я слышал, даже после окончания авральской Олимпиады работы осталось выше крыши: то строители «рулежки» переделывают (за новые большие деньги), то перрон достраивают (за еще более жирные). Олимпийское корыто не оскудевает, даже массовые посадки по итогам не помогли.

Авиаспоттинг – особый вид хобби, но для кого-то и образ жизни; это фотографирование авиатехники, часто с максимально близкого расстояния. Вот так, если коротко, зачем грузить лишним. Я не профессионал предмета, просто авиацию люблю.

Взлетные полосы работают непредсказуемо для отдыхающих – хозяева порта то одну запустят, то обе сразу, не угадаешь. Это не есть хорошо для отдыхающих масс и владельцев отелей. В Сети пишут: «Сейчас летают над Мзымтой». Мамаша покупает номер в центре, а по приезде, через день, оказывается, что в порту сегодня поменяли порядок взлета-посадки. Когда работает главная ВПП, самолеты проходят над пляжем «Огонек», а это самый хороший пляж Адлера, на мой взгляд. Не всем, понимаете ли, нравится, когда реактивные двигатели тяжелых машин режут над головой.

Однако и любителей авиации хватает, многие люди специально приходят посмотреть на завораживающее зрелище, дожидаясь, когда на горизонте появляется точка очередного «джета», медленно ползущая прямо на тебя. Точка увеличивается, скользя по глиссаде, и постепенно превращается, например, в «Боинг-767» диковинной расцветки. Рев, пролет, и

вскоре уставший лайнер, полный пассажиров с прилипшими к иллюминаторам носами, проходит прямо над тобой, протаскивая по глазающим и купающимся отдыхающим мягкое одеяло акустической волны.

У современной реактивной техники это «одеяло» мягкое – технологично-синтетическое. У старой советской – грубое, колючее и жесткое. Редкие винтовые самолеты шумят по-особому, вызывая, немного истерично подвывая на высоких частотах. Мне, например, это живое дыхание крупного авиахаба в чистый кайф. Мамашам с малыми детьми – головняки запредельные... Поэтому некоторые, особо хитрые, бронируют себе места подальше от основной глиссады, в гостиницах и пансионатах за речкой, на левом берегу Мзымты их уже очень много.

И вот тут руководство аэропорта говорит туристам: «Сюрприз!» – и «включает» ВПП 02/20. Или же запускает сразу обе полосы – когда стоящий в нескончаемой очереди подобных мероприятий очередной сочинский саммит или страсть как важная международная конференция порождают большой наплыв гостей и участников, – всех нужно принять и разместить сразу и срочно. А желающих за счет государства или корпорации поучаствовать в оттяге по-сочински всегда предостаточно. Бедные мамашаи.

Хотя я искренне не понимаю их страданий, накрученных большей частью искусственно. Не шибко-то и гудят современные летательные аппараты. Если тебя это не парит в порядке задуманного заранее самозавода на истерику, то уже через пару дней рев двигателей вообще перестаешь замечать. Мне интересны сами самолеты. А детям зрелище приземляющейся авиатехники слаще многого.

Ого! Вот еще один «арбуз» заходит с моря на ВПП 02/20, – это «Люфтганза», рейсы я проверяю по онлайн-расписанию. А взлеты сегодня идут со «старшей» полосы, обе работают.

Я выскочил на правую сторону длинного, во весь фасад, балкона, метра на два огибающего боковые стены небольшого трехэтажного здания отеля, изготовился.

Щелк его! И еще пару раз. Убираем камеру. Э-эх! Кр-раса-авец! И вообще – лети, Птица! Ну и что тут громкого?

Я очень необъективен, сразу предупреждаю.

Всю жизнь енисейский парень Игорь Залетин мечтал стать летчиком ГА. А стал, мама дорогая, что тут сказать-то приличным людям... реальным бандитствующим братком. Ну, это в былом: пока что я только так – осторожно и с большой оглядкой – подведу промежуточный итог недолгой своей жизни. Тьфу-тьфу.

Человек с частично сломанной судьбой, так можно сказать. А можно – с уникальным опытом, как посмотреть. И вот что: а кого в те годы не заносило? Ну-ка, кто из сверстников выскочил из 90-х без грехов?

Но говорю без скулежа, и об этом сразу предупреждаю, чтобы никто по тупости зубы не потерял. Шаблона отмороженного во мне нет, в гопоте не замечен. Я нормально, но с перерывом, отучился в политехе, стипендию иногда получал, в рок-группе играл, в походы ходил, боксом баловался. В вынужденной паузе мирной карьеры зрело и осознанно отслужил в пехоте. Армия пошла мне и на пользу, и во вред. Про очевидную пользу не буду, про вред придется рассказать.

Пробило Гарика одним временем на плохое, да надолго, зараза.

Хорошая у нас была рота, боевая, много дрались. То с кавказцами, то с бесами из роты связи, то с уральскими, то с питерскими – не скучали, короче. К дембелю наше сибирское ядро превратилось в реальную такую бригаду, жесткую, ребристую, сбитую в единый мозолистый кинтас. Так и вылетели из армейского тюбика – плотным слежавшимся столбиком. Шершавым на всю глубину. Меня даже и подписывать не нужно было, в голове уже прошилось. Такого надежного окружения у Гарика до того никогда не было. Нам было ясно: свои по плечам стоят,

чужие – вокруг. И от этого опьянения общностью мысли об одиночном плавании по жизненному морю как-то и в голову не приходили.

Сели мы в проходящий поезд Москва – Владивосток, и домой.

Вот и начали внедряться на родной земле «кровельщиками», отрезать куски полян, нужные прихваты и туннели у старшего были. Старт прошел без роста в статусе, попал я из пехоты в пехоту. Поначалу происходящее меня, признаюсь, грело: лавандос, уважение, все ништяк, бригада крепкая, без бакланья. С кем только не работали, да... Так все и катилось стальным роликом, пока меня не дыранули. Сначала на черемушкинской масложирбазе, по-мелкому – это я сам лечил. А потом по выходе из кафе «Огоньки» после базара – тут серьезней, уже к лепиле повезли, да без больнички. Хорошо, доктор пулю сразу из плеча вынул, ствол у козла был левый, переделка дешевая. Нашли его потом, кому это надо было, с четырьмя игральными «шестерками» во рту... Не хочу это вспоминать, тяжело. Столько лет зря сжег...

Короче, приехал я домой, в Енисейск. Сказал пацанам, мол, бывайте пока, я что-то не бодрячком, поеду-ка, припаду к родному, пусть родина лечит. Ну и заявился к родителям, куда же еще. Здесь опять лучше бы без протокола – никогда мне так стыдно не было.

Отец с матерью у меня, что называется, технические интеллигенты старой школы, вложили в сынулю все, что могли и успели. Гарик науки усвоил, книги правильные прочитал запоем, развивал мозг, хотел стать ходячей энциклопедией, как папка. И, нате вам, завернул кривую. Узнать, что сынуля в краевой столице поделывает – никаких проблем, есть кому ответить на вопрос родителей: «Как там наш Игоренья поживает?»

Разговоры с отцом были прямые, без гнили. Долгие, жестокие, но душеполезные. Мама тихо рядом сидела, почти не вмешивалась, вздыхала, молчала, иногда плакала и всегда внимательно слушала. Лучше бы ремнем охаживала, вот что. В конце меня реально прорубило, просто наотшиб, слетела планка дурная. Но и сопротивлялся до последнего по упрямству. А в чем-то и сейчас себя правым чувствую.

– Отец, ну ведь ты же сам говоришь, что в принципе никакие ментовские сериалы смотреть не можешь. Это я о правде.

– Правильно, не могу их смотреть, и сейчас так же скажу. А почему, сын? Такое чувство, будто тебя предали. Системно, грязно и нагло. Взались защищать и предали. Третья реформа прошла, но людей в участках так же пытаются. А в сериалах все еще глупо пытаются показать мне сказку про честного чудо-опера. Но время сказок в нашей стране закончилось, сын, всем все понятно, кроме главных редакторов каналов.

– Так и я о том же! Что правильного в такой «законности»? Почему я должен стоять за ментов? Братва честней, без байды.

– Я же уже просил тебя! – поморщился папка, подбавляя металл в голос. – Давай без этой вашей феньки. Стоит он, не стоит... Да ты за меня с матерью стой, за сестер своих стой! За город родной, за страну. Что ты все о ментах, опять проблему упростить хочешь, прокладку из них сделать, свою грязь за чужую спрятать? С нашей полицией понятно: кто долго борется с драконом, сам же им и становится. Но это никак не снимает с тебя твоей страшной драконьей ноши. Конкретно, с тебя, Игоря Залетина, моего родного сына с Большой Кривой Дороги. Ты теперь – слуга Дракона, Гарик. И немаловажное здесь – «слуга». Кем числишься, поделись? «Гориллой»?

– Пап... – Теперь настала моя очередь поморщиться. – «Гориллы» – это на западном театре боевых действий. А у нас «пехота». Ну, я, правда, как бы на повышение шел, в крайнее время исполнял обязанности бригадира.

– Что ты будешь делать, а?! Еще одно слово испортили, подлецы, – грустно констатировал отец. – А теперь расскажи внятно, за какие такие высокие идеалы и за кого конкретно ты пули похватал.

Вот такие у нас были семейные разговоры.

А еще я наслаждался малой родиной, общался и вспоминал. Тоже непростое занятие: кто помер с белочкой в обнимку, кто присел по дури, как так все вышло... Были простые мальчишки, на горке играли, хорошие книги обсуждали. И вот, разнесло по краям, откинуло на кромку. К бабке в деревню съездил, за сестренку засветился на узловых точках – так, чисто для профилактики, пусть боятся трогать. И вскоре жестко заскучал от безделья.

Тут-то я и решил испробовать нового да праведного, причем интересы были не только идеальные, хоть и решил подвязать, так, на время. На пробу, если честно. Времена лихих годов давно закончились, и нам, молодым да новым, тех былинно распиленных длинных бабок не отломилось. Доходы простых бойцов не так уж велики, как мнит себе в подъездах поселковая гопота. Многие из нас вообще состоят в штате какой-нибудь крытой фирмы и получают там типа зарплату. Ну и премии за акции... Не зажируешь, как говорится, рынок всех расставил по своим местам.

В общем, ходил и думал: а действительно, за какого келдыша я свинец в теле пригрел?

На третьей неделе творческих исканий принял решение и поехал на «Ракете» в Бор, приметный поселок на Енисее, где решил устраиваться в крутую фирму «Полюс-золото», хоть в охрану, хоть в черные работы. Рекомендаций и отзывов о ней по Енисею очень много, мол, солидная контора, очень серьезные деньги и люди, таким краевые кровельщики не нужны, там все по-красному идет.

После первого же собеседования мной заинтересовался начальник охраны одного из приисковых поселков, но ничего продуктивного из того не вышло. Посадили меня за агрегат с названием «полиграф», я даже и врать ничего не стал. И хорошо, что не врал, не люблю ерзать и изворачиваться. Потом пробили по собственным и чужим базам – хорошие деньги у ребят из тамошней СБ, да и ФСБ, как я услышал потом, золотодобытчикам помогает. Приседать я не приседал, но галочки в архивах, где надо, напротив фамилии стоят. Когда оформляли пацанов из бригады на оружие, вопросы решали через ментов, задорого. Стволы оказались в законе, но и метки в уголках поставили. Из бригады выйдешь – хрен что получишь.

Просто все, да не просто. «Начбезпеки» так сказал:

– Нам, Игорь, разные люди нужны, под разные задачи. Ты вот что сделай... Прошей себе в трудовую что-то реальное, да по нашему профилю. А не липовые корочки предъявляй от одиозных братковских фирмочек. Тогда и посмотрим.

На том и поручкались.

И куда мне было идти? В тоскливое не пойду, рутина Лесосибирска не для меня. В охотартели студеными зимами дыбиться?

Ситуацию спас папкин старинный дружок, ко времени объявившийся одним погожим вечером в сонном городе, Ступак Дмитрий Федорович, начальник небольшой частной старательской артели «Самородок». Посидели мы, поговорили серьезно в отцовском кабинете на втором этаже старинного дома – так и стал я, неожиданно для самого себя, артельным гидромониторщиком, взятым на место прошлого неразумного кадра, отлетевшего три недели назад от корыта по 191-й статье УК. А кем еще? Кому, на хрен, нужен инженер-механик, ни дня не проработавший по специальности?

Вот теперь и прикиньте дистанцию между Гариком Залетиным и кабиной гражданского воздушного судна, снившейся мне в юности каждую ночь.

Вечность.

Я в отпуске. На море.

Два сезона подряд оттрубил, так что заслужил. Авторитет поставил, бабла поднял. Наши в гости приезжали в Енисейск – ни слову не верят про мирное дело, уверены, что Гарик таким изящным способом фирму у кого-то отжимает. Бывшие коллеги решили, что я в «рыжую» специализацию ударился. Ну и пусть думают. Пусть кто что хочет, тот то и думает.

Ибо настало время отдыха, неизбежное, как дембель.

Нет у меня загранпаспорта, просрочил, новый сделать не успел. А вот в Сочи не был черт знает сколько лет. Потому и решил освежить память детства и юности, когда СССР исправно снабжал нашу дружную семью курортными путевками, часто бесплатно, край за копейки. Раньше здесь бывал часто, места знаю неплохо. Даже сезона не стал дожидаться, поехал в апреле. Прыгнул в самое дорогое купе фирменного поезда «Енисей» и покатил через всю страну.

Сначала я хотел остановиться в Центральном Сочи, но переиграл в последний момент.

Кто придумал само понятие Большого Сочи, не знаю, но понятие не работает. Это не единое целое, а группа разных городов и поселков. И люди там разные, и атмосфера. Сочинские вечерние понты мне побоку, хотелось тишины, помогающей восстановить бывшее равновесие в душе. Ведь я только недавно вновь приучился думать на нормальном русском языке, а не на «бодрячке» сибирском. С прямой речью еще хуже, это целый комплекс, там не только вербальное, там много чего замешано. Поэтому в разговоре постоянно срываюсь на прикипевшее блатное, с чем борюсь, стараюсь, честно. Постепенно переучиваюсь.

Выбирал я загодя и долго, как еще на прииске мечталось. В Енисейске засел в Сеть, начал прорубать ситуацию. И получалось, что за потребным мне надо ехать в Адлер, и никак иначе. Подумывал о Красной Поляне, однако тема отлетела: и там тусняк, и там понты, хоть и несколько другие.

Теперь немного об учете «местного менталитета».

Не далее как за неделю до старта я совершенно случайно наткнулся на памятку, адресованную отдыхающему в Сочи. На сочинском же ресурсе постарались, для нас, честных отдыхающих, сделали. Дикая вещь! Чтоб я, значит, напился, вкурил и уберегся. Вообще-то, дело нужное. И полезное там, несомненно, имеется, учитывая безалаберность и в приличном проценте «летнюю тупость» отдыхающего люда. Меня же заинтересовал следующий пункт меню: типа не стоит при местных жителях склонять название города. То есть не произносите «в Сочах», «из Сочей» и так далее – возможно крушение сусал и утирание соплей.

Между прочим, требование-то вполне справедливое. Сам я не страдаю этим старокурортно-советским «колхозом» и очень переживаю, подобное слыша. Правда, не представляю, чтобы в каком ином мирном городе гостям такое присоветовали, да еще и писанное черными буквами на белом поле. Вот, в Москве, например, которую каждый второй готов обозвать почему зря. И я в том числе, бывает такое после просмотра по ящику вечерних новостей.

Но вот что характерно. Мне прямым текстом затирали про культуру и запрещали ковыряться в носу журналисты города, самые яркие представители коего заряжают, к ужасу моих родителей, мозгопронзительные «Камеди клабы» и эту «Нашу Рашу», где неспешно и профессионально парафунят как всю страну мою, так и конкретные, ни в чем не повинные города – походя и совершенно по-быдлярскому. Чего, казалось бы, никак быть не должно, если человек воспитывался в таком почтении и трепетном уважении к Родным Пенатам. Парадокс.

А уж про местные автомобильные понты с «хождением кругами вокруг ласточки» и про блеском очей в ожидании падежа прохожих в состоянии крутой зависти от твоей новой тачки да блатняк во всех маршрутках и говорить нечего. Чисто деталька, сущая мелочь – но мне этого хватило. Я не говорю «в Сочах», геноссе. Тыкать в это Гарику не стоит.

Резко захотелось тихого сервиса и ноля поучений.

В Адлере сервисной ментальности местных куда как больше, чем в центральном Сочи, говорю же, разные это города. Каждый первый житель Адлера – на остановке или просто на улице – готов помочь советом и делом, даже мне, с такой характерной рожей и видом; не раз лично прочувствовал и оценил. Такое видел только в Питере, и это зачет. Кроме человеческого, тут, думается, сказывается большое количество субъектов хозяйствования на единицу площади.

А что с терпимостью к отдыхающему? Из опыта первых дней скажу – она в динамике. Куда идет, не знаю, но меняется. Прямо здесь и сейчас, в эту самую секунду.

Еще в Адлере заметны те самые олимпийские деньги, про контроль над расходом которых нам всем втирали столько долгих лет... Святое дело, спорт форева! Был и остается нюанс с важностью для страны приоритета, ну да ладно – допустим, для Страны вот именно это и нужно было более всего. Именно олимпик-лафа, а не что иное, например строительство стратегических дорог в Сибири.

Все честно потерпели, ибо были крайне заинтересованы, чтобы Сочи стал чисто Раем РФ. Эти всякие «Роза Хуторы», подъемники, хреномники и прочие курорты. Ну и инфраструктура по полной – сделали же, не отнимешь. И ведь не только государство вкладывалось ради святого – ради единственного в стране курорта. Типа он оправдает и всем доставит.

И мелкий частник вкладывался. Знакомец один мой, левый да крученный, прилично накрал драгоценного шлама платины. Судили его, но он извернулся и выскочил. Встречаю его давеча в Красноярске, прямо на улице. «Приезжай в Адлер, – говорит, – я там три мини-гостиницы построил! Приму, Гарик, как родного!»

Вот и приехал я посмотреть, глянуть на итоги: впечатляет, надо сказать.

Глядишь и понимаешь: странным образом сперли не все. Но отжали реально хорошо, в три отжима. Стало больше красивых домов и гостиниц, на узких южных улочках стоит много хороших недешевых машин. Правда, по базару быстро втыкаешь, что каждый третий кирпич, мешок цемента и лист покрытия – спиленные с той самой стройки. И тот новый Сталин, который, как я убежден, вызревает всем нам на бошки, глядит, улыбаясь, на повальное воровство в стране, уже считая «кол-во» потребных расстрельных команд. Сколько утянули и тянут – страшно подумать, но, судя по обустройству бетонно-личному, – хватает всем.

И вот... Когда мне сочинские эксперты предлагают вникнуть в сложности местных характеров, в особенности среды, запастись лекарствами – это вообще жуть, а на закуску просят учесть еще и «сложности местного бизнеса», я говорю Сочи «нет» и еду в Адлер.

До этой поездки в районе «за речкой» я не бывал.

Сеть тебе в помощь, сказали умные, я послушался, перекрестно поскакал по сайтам и выбрал именно это уютное местечко. Посмотрел картинки, обзоры и панорамы, почитал отзывы и забронировал номер в «Орхидее». Выбрал осознанно, мне нужны эти самолеты, это курортное затишье и это малолюдье. Кроме меня в отеле живет всего две семьи. «Орхидея» стоит прямо на набережной Мзымты в окружении гостиниц-близнецов, до пешеходного мостика метров двести пятьдесят, триста.

Стройка на Красной Поляне уже закончена.

Криминальная грязь с воровством миллионов и миллиардов по-прежнему всплывает и всплывает, а вот вода горной реки очистилась. Правда, сейчас это незаметно, бурная Мзымта разлилась почти на все бетонное русло, мутный горный поток летит к морю, вчера в горах прошли проливные дожди. Зрелище завораживающее. С балкона видно край Черного моря и заснеженные горы Красной Поляны, а прямо передо мной – силуэты тихого Адлера с двумя доминирующими зданиями-башнями. Ночью на крышах местечковых «небоскребов» загораются красные навигационные огни, и кажется, что самолеты, взлетающие с главной ВПП, проходят прямо над ними.

Пожилой спокойный водитель отеля встречал на центральном желдорвокзале: я сам забился на встречу, хотя до Адлера можно было доехать и аэроэкспрессом – так дешевле. Я же захотел дороже, ибо «покажи мне дорогу к морю, друг». Поэтому сначала заехали в центр Адлера, прокатились по улочкам, а уж потом я отправился на место.

В гостинице меня ждали, сработало.

Две молодые улыбчивые армянки на ресепшене – Карина и Оливия, уютные, почти домашние девушки, моментально меня приняли, оформили, показали номера, выкатив при-

ятный сюрприз неожиданной вариативности. Кроме забронированного, девчата предъявили к осмотру номера на выбор, за те же деньги, без всяких доплат.

– Вот ваш номер, забронированный... А теперь посмотрим напротив, через коридор, тут точно такой же, но вид получше, внизу бассейн с подогревом и море слева, видите, там? – Карина показала рукой на синюю полосу вдали.

– А че, нормальный ход, – неуверенно сказал я, будучи вынужден выбирать. – Самолеты где больше летают? Фотографировать буду.

– Вы фотограф?

– Я фанатик.

Карина улыбнулась:

– Тогда подождите. Пройдемте с нами, покажем еще один неплохой вариант.

Просторный светлый номер на третьем этаже занимал половину фасада и выходил окнами на реку. Часть комнат была закрыта.

– Хозяйский номер, – скупко пояснила худенькая Оливия, – поэтому их личные комнаты закрыты. Они сейчас за границей, приедут только поздней осенью. Очень хороший для вас вариант, отличная панорама.

Я огляделся.

Сплит-система «Панасоник». Широкая «плазма» в углу – удобно смотреть, лежа на шикарной двуспальной кровати. Тяжелые темные шторы, жалюзи. Две прикроватные тумбочки под пивас. Шкаф, письменный стол со стулом, лампа и городской телефон. Холодильник... Ну, это не холодильник, скажем прямо, а более мини-бар, много туда не впишешь. Да мне много и не нужно.

– Роутер Wi-Fi стоит на вашем этаже, сигнал хороший, пароль четыре восьмерки.

Ништяк, быстрый Интернет пригодится. Ванная комната тоже понравилась. А уж когда я вышел на балкон... Балкон был огромный, растянутый на весь фасад, белый пластиковый стол, стул, пепельница. И навесные вазончики с маргаритками.

– Вам электрочайник принести?

– Обязательно.

Решил и остался тут.

На первом этаже гостиницы работает солидного вида ресторан с баром, оформленный в романтическом «морском» стиле, в «несезон» он почти всегда пуст. Девчата предупредили, если буду завтракать – обеспечат. Буду, девочки, буду, обеспечивайте... Возле стойки ресепшена на тумбочке стоит большая черная кофемашина, напротив – небольшая сауна, в которой давно никто не парился. Двор у «Орхидеи» просторный, там синее кафелем фасоллина открытого бассейна, ныне пустого, а с другой стороны стоят полупрозрачные ветровые экраны бассейна закрытого, подогреваемого. Немного молодых пальм в кадках, летнее кафе под зонтиками, фонтанчик в камнях. Свободного места много, будет где разминаться по утрам.

Все, можно вольготно садиться с чашечкой горячего кофе внизу или на своем балконе, открывать чакры и начинать прозревать.

Так я начал жить на Юге.

Люблю стоять на пешеходном мостике через Мзымту и смотреть на шумный поток внизу. И ждать самолеты, подлетающие с моря на 02/20. Блаженство! Цветастые дюралевые туши, крадучись, проплывают над крышами невысоких, пустых по сезону гостиниц. Я фотографировал их всех, и близко не будучи мастером этого ремесла. Фотки получались лихие... «Угол дома и хвост «Бомбардье»». «Кабина «Боинга», произрастающая из стены». «Самолет ныряет в крышу». Ночью с моста было особенно хорошо видно, как очередной лайнер неспешно заходит над морем, как командир воздушного судна поворачивает машину к берегу, встает на глиссаду и, включая лампы-фары, осторожно корректирует полет лайнера по высоте и курсу.

Даже днем этот длинный пешеходный мост пуст – народу в Адлере немного.

Говорят, летом здесь можно купить недорогие сувениры и фрукты, иногда продают и домашнее вино, однако, после того как власти прижали такой бизнес, – скрытно. Я не ценитель местного вина, как и любого другого – по болту тема, но было обидно.

Соседний по набережной мини-отель справа вообще пока закрыт. Гостиница с левой стороны от моей новой обители жива, там поселились строители-азиаты, начальники среднего звена таджикского «стройотряда». Бытуют мужики тихо, спокойно, почти все с ноутбуками или планшами, вечерами у них шахматы и нарды. Я тоже попробовал зарядить пару партейек в шахматы, и обе геройски продул спокойному улыбчивому Шарифу, мастеру монтажного участка. Где живут их рабочие, я не знаю и знать не хочу, подозреваю, что в каких-то неприглядных бараках.

Прогулки по пустынному весеннему Адлеру – отдельная тема.

По адлерским улицам тихо гуляет лирика. На узких адлерских улицах весной цветет и пахнет. Жаль, деревьяев стало меньше, порубали их при стройках, когда теперь новые вырастут... Здесь сохранилась аура Зурбагана и Лисса, запах старой романтики Паустовского, его «Броска на юг» – любимой книги моего отца. Где теперь такое встретишь?

Редкие отдыхающие в пустых летних кафе на набережной почти всегда трезвы, крепко задумчивы и молчаливо-философичны. Вечно одетые в черное местные смотрят на прохожих с грустью и с нетерпением ждут, когда кончится проклятый мертвый сезон. Грусть в их глазах, впрочем, не исчезнет и с нахлынувшим валом отдыхающих «годных», то есть летних. Адлер – армянский город, многие здесь шутят, что столица Армении совсем не Ереван, как считают географы. А в каждом армянских глазах есть неизбывная вековая грусть, такова уж сложная история древнего народа. Мне нравятся армяне в сервисе, не думаю, чтобы какой другой народ Кавказа смог бы так поставить курортное обслуживание, традиции и преимущество сделали свое дело.

Как и абхазы, армяне живут здесь очень давно, и это воспринимается органично, без всякого внутреннего отторжения. Ну, я вообще не националист. К кавказцам отношусь равно, видел их много и в разных ситуациях, и в контрах стоял с ними, и совместно мытарил. Штампов там мало – разные они, как и все мы.

Удивительно, но мне не было скучно.

Посетил все доступные экскурсии, много ездил сам – с краеведческими целями.

Купался в холодном море – а что, вполне терпимо и в апреле, особенно для человека, привыкшего к неласковой воде северных рек. Пару раз обедал в «Корсаре», а чаще в демократической «Встрече» или в пиццерии «Адриано». Почти всегда один, повторяюсь, вид у меня не располагает к случайному уличному знакомству. Рост под метр девяносто пять, в меру подкачанный, резкий такой пацанчик с лицом... ну, не то чтобы дегенерата, а, скажем так, без яркой печати интеллекта.

Вы Эмира Кустурицу видели? Ну вот, примерно такой же эффект. Некоторые знакомцы утверждали, что мы с ним типа братаны – давно вымершие славяне-кроманьонцы. Ну, что тут делать, интерфейс мне от деда достался. На дыне – переросшая свою норму «площадка», давно поправить надо бы – это без моды, это армейское. Типа в память. Хорошо, без портаков обошлось, лишь один дракончик поджался на правой ударной.

Правда, пару раз ко мне подходили бодрые мужчинки – своя масть друг друга сразу чувствует. Подсели аккуратно, реально вежливо, перекинулись, протерли за секунды, кто чей и кто под кем ходит, да и разошлись без помех. Понимаю пацанов, таких визитеров сразу пропасти стоит, во избежание. А вот менты меня категорически не трогают. Удивляетесь? Зря. Ментам Жертва нужна, а не Проблема. Поэтому свой любимый нож-клипит я не прячу, он постоянно висит на брючном кармане – спайдерковский «Полис», давным-давно введенный в братковскую моду еще солнцевской бригадой.

Женщины, вот ведь странность, на меня реагируют гораздо спокойней.

По утрам с кайфом бегаю, организм требует нагрузки. Изредка и ненадолго появляются компаньонки, дурной пример заразителен. А вот бросить курить не получилось – страшная это зависимость. Кстати, с девушками у меня проблем вообще не было, никакой эскорт на курорте не нужен, приводил пару раз на святое дело – легко и весело, без серьеза. А серьезного не хотелось категорически. После поездки на такси в Веселое и на Красную Поляну я быстро понял, как тут хорошо отдыхать со своей машиной, особенно после реконструкции автодорог и строительства развязок. Даже лениво и несобранно подумывал взять в аренду или вообще купить что-нибудь простое на времянку, деньги позволяют...

Не поверите, а зря – местный краеведческий музей посетил!

Власти города запихали его в такое место, куда просто так не проникнешь. Пожилая экскурсоводша настолько поразилась моему визиту, что соизволила побаловать такого посетителя особо – завела мне старый патефон политрука, и я в прохладном пустом зале восхищенно слушал песню про «утомленное солнце».

Так и жил-поживал, пока вся эта каша не заварилась.

А началось все с НЛО.

Как я понял, эти самые НЛО над Сочи и Адлером не в редкость, самодельщики даже любительские фильмы снимали. А уж фотографий сочинских «тарелок» в Сетях просто неммерено. Впрочем, а где их нет, чертил летающих. С этими объектами ситуация давно стала анекдотичной. Вот подумайте сами, увидели вы, допустим, НЛО в небесах, явно так, отчетливо – убедились лично и уверовали. И что? Кому расскажете, с кем поделитесь «сенсацией»? Ну-ка, ну-ка... Кого вообще нынче может подобное заинтересовать? И какой процент населения планеты их еще не видел? Ну, летают, ну, фиксирует их народ исправно, сейчас все с «цифрой». Одной больше, одной меньше, и так сушилка полная.

Никто из-за вашего «уникального» рассказа не пошевеливается, не возникает возмущенно в серьезных статьях серьезных СМИ, не просвещает и не разъясняет официально. Ведь даже газетчикам и их соседям на шконке третьего яруса у двери – блогерам (не терплю я это маскотное слово) тема надоела до зевоты, люди эти «тарелки» уже как простых ворон воспринимают.

Вот у меня цапля знакомая есть на Мзымте – это дело. Это чудо. Как она ходит! Как охотится... А как лягушек глотает!

Но в конце апреля местные СМИ как бы проснулись.

Сообщения от наблюдателей пошли косяком, ящик казал кустарные дрожащие ролики – снимки «тарелок» различной степени четкости и потертости. То и дело выступали «эксперты» – всезнающие бородастые или косматые люди с бесновато бегающими глазками. Эксперты выдвигали версии одна краше другой. И военные, и власти традиционно молчали, словно и нет никаких наблюдений. Ничего нового, так ведь?

В тот вечер я ждал конкретный борт.

Пробил через смартфон реальное, то есть скорректированное время посадки.

Цель – А-321, «П. Чайковский», красавец с синим брюхом и красной подводкой. Дневная фотография лайнера у меня в архиве уже имела, но мне хотелось заполучить и ночную. Есть одно такое хитрое место на глиссаде, где прожектор какого-то наземного объекта подсвечивает самолет снизу, и в этот миг надпись с именем великого композитора проявляется. Чумовой кадр, тут главное – не проспать момент.

Борт пришел вовремя, я засек его еще над морем.

Но вот что удивительно, сразу за ним шел еще один, как мне показалось, меньший размером.

– Что-то слишком близко поджимаешься... Как он, голубь, садиться собирается, а? – спросил я сам у себя, доставая из футляра «Кэнон» с недорогим телевизором. – Вали-ка ты на второй круг.

Хотя в принципе этот второй борт меня ничуть не интересовал.

И каково же было изумление, когда таинственный «сопровождальец» «Чайковского» прямо у береговой линии резко отвернул вправо по курсу, явно и не собираясь приземляться! И вот тут я залип реально.

Это была «тарелка».

Настоящая, четкая, с нормальными навигационными огнями, только белыми. Не знаю, поверите вы или нет, но я на нее плюнул. Протянул объектив за садящимся целевым самолетом, дождался прохождения фюзеляжем положенной визуальной отметки и на серии исправно щелкнул затвором камеры. И только после этого повернулся к НЛО.

Внушает. Что мне бросилось в глаза, первое впечатление:

1. Летучий объект был совсем небольшим, на этом расстоянии бинокулярность зрения еще позволяет оценить размер адекватно. В диаметре всего метров восемь-десять.

2. Никаких тебе светящихся «иллюминаторов» по окружности – или не заметил. Как и зеленых морд за стеклами.

3. У меня сразу возникло стойкое впечатление, что к «иноземному» это чудо враждебной техники отношения не имеет. Вот хоть убейте, сложно такое представить. Необычно, да, диковато, но наверняка земной сборки шняга. Потому и сердечко не подпрыгнуло.

4. Уникальных резких прыжков в разные стороны с адскими перегрузками не было, «тарелка» маневрировала достаточно плавно и не дергалась в припадках, о чем часто заявляют очевидцы.

Объект подвис в полукилометре над «Мандарином», подождал в темноте невесть чего и медленно тронулся вдоль правого берега Мзымты к домам-башням. Охренеть! Я тут же начал делать кадры, плохо понимая, куда мне их столько. Интересно, что люди внизу чувствуют? Ведь должны же найтись неспящие в Адлере – курорт это или нет?

Но «тарелка» долго никому позировать не собиралась. Крутанулась на месте, я даже успел в этот момент разглядеть мелькнувшие по сторонам отблески редких ночных огней города, прилежно пошла на разворот «блинчиком» и, постепенно набирая скорость, умчалась в сторону моря. Глянув на свои швейцарские «Кэмел-Актив», я засек точное время, когда объект стал подрывать когти, после чего подождал немного: должны же отреагировать на такое событие в аэропорту – их РЛС стопудово должна была такую птичку засечь.

Тишина.

Облетчик авиаторов на разведку не взлетел. Странно. Что, у них эти НЛО тоже в печенках сидят? Или не увидели? По такому знаменательному поводу я полез в мини-бар номера, достал початую бутылку вискаря, плеснул «лошадки» в стакан с толстым дном и опять вышел на балкон, уже без камеры. Нет пока никого в небе.

Хорошо, мы сейчас вас по-другому проверим на движуху. Достал свой «Галакси Ноут», выдернул прогу, посмотрел расписание: ничего вроде не изменилось, сейчас должен садиться борт авиакомпании «Россия» – да вот он, ползет над морем, готовится к посадке, чьи-то важные детки на курорт торопятся. Больше на свежем воздухе делать было нечего, и я вернулся на кровать, где, подключив камеру к телевизору, покрутил-посмотрел отснятое – понравилось, почти не накосячил.

Спать не хотелось, возбудился-таки.

Спустившись вниз, я попросил у девчат «американо», немного поболтал с ними под «хи-хи», вскоре забрал двойную порцию и медленно, чтобы не расплескать напиток по ступеням, поднялся в хавирушку. Потом, попивая разное и медленно хорошеючи, почитал с экрана под три дозы вискаря новую книгу Веткина – он мне нравится, особенно старое, хорошо у него

жестяной мир получается, хотя герои порой малахольны. Если уж взялся братовать по жизни, так и шагай бодро или в мужики вали. К чему зигзаги гнуть без вектора...

Почитал я, подумал о вечном – то есть о тех днях, когда сплошная невезуха прет, подпил слегонца для баланса и вновь, матерно кляня гадскую привычку, выбрался покурить на воздух. А там...

На этот раз «тарелок» было много. Завал!

Камеру взять не успел, ибо теперь уже сердце екнуло – замер я, пацаны. Последний раз такое было, когда мы разгибали вилы с «богдашкинской» группировкой возле ресторана «Времена года».

НЛО шли строем, фронтом, на высоте не менее километра.

Луна была яркая, звезд на небе много, так что тех «тарелок» я насчитал, сколько успел, – семь штук. Опять никакого шума! Ну, еще бы... Если с шестисот метров не услышал... Не меняя курса, они достаточно медленно проплыли над Адлером и чинно удалились в сторону Главного Кавказского хребта.

И все. Фотик я, значит, взять не успел, а обалдеть успел.

Да и было от чего, согласитесь.

На этот раз службы аэропорта отреагировали штатно. Через десять минут с дальней стороны летного поля, раскрутив тяжелые винты, в воздух после короткого разбега с наклоном поднялись два «крокодила» «Ми-24», сделали круг над аэродромом и пошли в сторону Красной Поляны – догонять да разбираться. На пилонах бойцовых вертолетов готовились к эпической битве кассеты НУРСов.

Кстати, а где местные ЗРК «Бук» в модификации 9К37М1 в количестве пяти штук? Еще при строительстве олимпийских объектов возле Ледового дворца поставили ракетный комплекс для защиты от вероятного врага, в Сети его фотки видел. Да и зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь-С1» декларировался как защитник мирного города. Почему же тогда не было «стрельбы по тарелочкам»? Почему коварный враг летает над спящими мирными людьми?

– Ну че, войнушка-то сегодня грянет или спать пора? – спросил я у маргариток.

Похоже, не дожидаться мне экшена, а если и состоится, то отсюда не увижу. Нужно по ящику новости мониторить, вот что!

Тут на улице чем-то слабо завоняло, как бы горелым, поэтому я плотно закрыл дверь на балкон. Хозяева отелей, не желая заниматься вывозкой, частенько жгут строительный мусор прямо во дворах, особенно послестроек и перепланировок, а они тут постоянны. Бриз тянет запахи гари вдоль русла реки, уже раза три такое было. Их быстро вычисляют СЭСовцы и пожарные, приезжают, гоняют да штрафуют, но окончательно справиться с традицией не могут – за всеми не уследишь. А у меня на диоксины особая чуйка, сразу в горле першит.

В кабельном пакете быстро нашел ТБК, там новости оперативные и даются без купюр, через каждые полчаса. Я и дождался очередного выпуска, послушал внимательно: Иран, никак там не закончится, опять арабские «весны» с подожженными урнами, нетрадиционные люди в Европе рядами встают, все, как один, очередной супербанк лопается... Скважина потекла, землетрясение, наводнение, пожары лесные тут и там, вулкан проснулся. У нас тоже первые пожары пошли по засухе, рановато что-то. Заливает кого-то, МЧС к паводкам готовился-готовился...

Эй, вы куда?! Что, и все, что ли? Никаких эскадр НЛО не отмечено?

Переключился на канал «Россия 24», где тут «Жэсти Недели»? – и у этих нет такой фишки! Ладно, еще погуляем. Спать ложиться было уже бесполезно, теперь весь день так и пойдет насмарку. Сделаю по-другому. Традиционная пробежка уже скоро. Отработаю, потом искупаюсь в море за «Мандарином», позавтракаю в хорошем объеме, а там можно будет и рухнуть сладко, добрать часика три-четыре. Так и вечер не закроется.

Решив взбодриться, я позвонил на ресепшен, вдруг девчата себе кофейку сварганили, так я ж рядом встану!

Телефон никто не брал.

Дождавшись третьего гудка, я положил трубку. Заснули, поди, девки, самое тяжелое время, неохота будить. В персонале пока всего две работницы, которые вынуждены буквально жить тут, оберегая хозяйское гнездо посменно и вместе. Мои соседи по отелю тихо съехали вчера: омичи решили самолетом, пермяки поездом, я – единственный гость. И потому не хочется быть напряжным, пусть отдохнут, я и сам периметр посторожу, если что, не тресну от натуги, с балкона просматривается практически весь металлический забор отеля. Делать-то нечего.

На улице уже рассветало, когда новостные программы расщедрились на информацию.

– Сегодня ночью в Адлерском районе Большого Сочи зафиксировано очередное, уже пятое за этот месяц, ночное наблюдение группы НЛО, – спокойным голосом сказала не по-утреннему бодря ведущая новостей. – Как нам только что сообщили в пресс-службе регионального Центра МЧС, по факту массового появления неопознанных летающих объектов над курортным городом создана рабочая группа, проводится проверка. Это, как отмечают наши корреспонденты, первый случай публичного реагирования властей с информированием широких масс о создании столь специфической официальной структуры... Кхе! Простите. Статус группы пока неясен, нам неизвестно даже, временная она или же создана на постоянной основе. К сожалению, в распоряжении редакции пока нет фото– или видеоматериалов, способных проиллюстрировать происшествие. Известно только, что большие группы НЛО пролетели непосредственно над территорией сочинского аэропорта, центральным районом, а также Мамайкой, Дагомысом и Лазаревским. Единичные экземпляры были зафиксированы над грузовым портом Туапсе. Похоже, столь необычное нашествие «тарелочек» затронуло и другие районы Черноморского побережья Кавказа. Не переключайтесь, мы будем держать вас в курсе событий...

Вот и молодцы! Вот и держите.

Я удовлетворенно встал с кровати. Фоток у них нет... А у Гарика Залетина есть! Заслать им, что ли? А зачем? Ради бабла не буду, а светиться лишний раз не в масть.

На балконе я отметил, что воздух уже очистился, незаконный костер явно притушили. Набережная была пустынна, ну, так всегда ранним утром, хотя обычно на правой стороне реки тщательно следящая за своим здоровьем семейная пара уже пробегает. А я их догоняю и вежливо обгоняю после «здрасьте!».

Да, пожалуй, пора собираться на променады.

Наскоро ополоснувшись в душе, я быстро надел серую с черным спортивную форму из тонкого полартека, нарядные «найки», перекинул «Полис», нацепил поясную сумку. Признаюсь не по-спортивно, с куревом. Ладно, я че, каяться сюда приехал? Хотя, может, и покаяться можно. Есть в чем.

Нужно выходить, самое время.

«Орхидея» – хороший отель, во всех смыслах, всем рекомендую. Но вот марши проектанты сделали – атас... Такому лосю сибирскому, как мне, быстро по ним не сбежать, плечами стены обтираю, один раз даже картину снес.

– Девчата, подъем! – радостно заорал я с лестницы, вот уж сейчас-то точно пора их будить, ибо охрана убегает в белых тапках. – Дядя Гарик подался в бега!

Мне никто не ответил.

За полированной стойкой никого не было.

Значит, уже на территории, осматривают. Или опрашивают по утреннему делу.

Согнувшись, я осторожно положил ключ от номера, снабженный тяжелым латунным брелоком, на стол дежурной, тут же увидел то, что должен был увидеть, и крепко задумался.

Оливия лежала на полу под стойкой.

Мертвая, чтоб я лопнул, мало ли трупов Гарик видел, во всех позах и ракурсах!

В таких случаях лучше не ерзать. Если это криминал... Я быстро впрыгнул в двери ресторана, оглядел обеденный зал – чисто. Сауна – закрыта. Туалет – заперт. На улице что имеем? На улице не было никого. А где Карина?

– Карина!!

Или тут дуплет, братан?

Чуть коснувшись рукой полировки, я прыжком перелетел через стойку, сразу оказавшись рядом с телом. Холодным. Значит, часа два назад, это имеем точно. Пульс не чувствую, ну, пока не факт, пальчики-то у меня еще те... Я бегло осмотрел тело Оливии – ни малейших повреждений: ни «огнестрела», ни «холодного» пробоя. Не вижу ран. Поднес к губам девушки большой экран своего смартфона-переростка – никаких следов дыхания на каленом стекле. Потрогал голову, лицо. Точно, челюстные мышцы начинают коченеть. Да, все.

Значит, она была мертва еще при первом моем звонке.

Нормальный ход! Что вот тогда не сбегал вниз, а?

– Карина!! Ты где?!

Гарик... Че ты орешь?.. Сложи кирпичики. Карину я нашел в прачечной, возле плачущей стиральной машинки. Та же самая картина. И опять никаких повреждений.

«Один в доме-4».

Что делать будем? Звонить будем.

Так, спокойно. Документы у меня в полном порядке. Паспорт, обратные билеты, а вот журнал регистрации надо бы проверить, есть ли я там. Да... Два трупа и я, такой зачетно-модный, в сером «адидасе». Сперва нужно переодеться, вдруг придется почетно или не очень отступать к предгорьям. Вернувшись в номер, я быстро скинул спортивное и напялил свой джинсовый «врангелевский» костюм, в таком и падать не страшно, и в узостях прорываться можно. Документы по карманам, билеты, карточки, прилично налика... Хорош пока, это же просто страховка.

Как тут «Скорую» зовут, через 112 или особый?

Что я парюсь?.. Схватив трубку городского телефона, я, на всякий случай, глянул под стеклом список тревожных служб и быстро набрал тревожный номер. Ответили мне не сразу, какое-то время побыл у тети на удержании.

– «Скорая» слушает!

– Здесь два трупа, уважаемая, похоже на отравление.

– Адрес говорите точный, – устало потребовала оператор.

– Гостиница «Орхидея», это район за речкой. На Набережной, адрес... сейчас гляну...

– Не нужно, знаю. Вы кто?

– Отдыхающий Залетин.

– Мужчины, женщины?

– В смысле, трупы? – зачем-то уточнил я. – Женщины, молодые, персонал отеля.

– Армянки, абхазки? – не меняя интонации, уточнила медичка.

Это еще им зачем! Что за новации такие?

– Да какая те разница, сестренка! Это люди!

– Не орите, молодой человек. Отвечайте на вопрос.

– Армянки... Впрочем, не совсем уверен, не выпытывал.

– Понятно. Вызов принят. Теперь так. Как вы сами себя чувствуете?

– Да просто зашибись я себя чувствую, че там, – проскрежетал я, в реале ощущая лишь медленно нарастающее озверение. – Мне тут просто лафа и кексы, учитывая, что под ногами два трупа!

– Тогда «Скорая» по адресу сейчас приехать не сможет, – спокойно констатировала операторша. – Много вызовов. У вас личная машина есть? Можете их сами привезти, мы тут примем.

– Машины нет, – сказал я, с сомнением поглядывая на небольшую автостоянку перед отелем.

Стоянка – площадка на шесть единиц, девчата говорили, что летом она забита в очередь. Сейчас же там стоит лишь одна – «Шевроле-Нива» серо-зеленого цвета. Это автомобиль Карины, у нее родки живут на Красной Поляне, своя пасека где-то в горах. В принципе ключи найти не сложно. Да и возле других гостиниц авто стоят, хоть и не по-летнему мало их.

Нельзя. Не та пока ситуация, чтобы машины хитить.

– Безлошадный отдыхающий, – решительно закончил я.

– Тогда слушайте меня внимательно! – потребовала оператор. – Трупы желательно убрать в темное прохладное место, а если такового не найдете, то лучше бы их присыпать землей. Позже заберем.

Это что такое творится в тихом городе Адлере, а?

Нормальные такие спецназовско-бандитские советы отдыхающим – запросто и задумчиво: земелькой закидайте! Но на медичку я это выплескивать не стал, ясно же, что по чьей-то инструкции работает девка.

– Ага, уберите в прохладное... А когда мусора приедут на место происшествия? – с вкрадчивой ехидностью отвечал я. – То меня же и запрессуют, так, не?

– Ну, так и позвоните в полицию, – невежливо посоветовала медичка и бросила трубку. Я медленно сел на маленький кожаный диван.

Неудобно сидеть, под задницей что-то колется. Вытащил из-под себя тоненькую книжицу в твердой обложке. «Ведическая книга смерти». Еп... тьфу. Да уж... Специфичная подборочка, на полочке все такие... невеселые – нехорошее почитывали девки, зря это. Не балуйся черными вещами, не надо.

Что-то отдых перестает быть томным, а, Гарик?

Придется звонить и ментам, чувствую, смежники со «Скорой» зашиваются, так что полицейным доложат не скоро, в конце смены, скорее всего. Несколько раз глубоко вздохнув, я набрал проклятый номер.

– Дежурная часть, старший лейтенант Гумиров.

– Але, полиция, у меня тут два трупака, отель «Орхидея» за речкой, «Скорая» уже знает, скорее всего, это не криминал, обе местные, из персонала, ориентировочно армянки, сообщил отдыхающий Залетин, – скороговоркой отбарабанил я в трубу, один хрен все пишется, разберут.

– Ай, молодца, все бы так докладывали! – восхищенно похвалил меня дежурный. – Сам-то как?

– Сам бодрый, жду полицейных!

– Ну, красота! Служил, сидел?

– Стоял, на! Слушай, старлей, у меня тут два тела с жесткими непонятками, без байды, а ты такой веселый. И это твое, а не мое. Так что шли экипаж с фонариками.

– Прямо так и с жесткими... Похоже на отравление, так? «Скорая» что тебе сказала, деловой?

– «Скорая». Сказала. Прикопать, – теряя последнее терпение, поведал я полицию.

– Толковая у нас «Скорая», – почавкал чем-то старлей. – Вот и выполняй.

– Слышь, да вы же тут все, берега потеряли за туманом? – тихо спросил я. – Гумиров, это ведь люди...

– Ты не учи меня там, браток, – так же тихо ответил дежурный. – Умный если, то сам сообразишь. Тупой – так выполняй, че тебе сказали. Нет у меня экипажей! Нет! Мозги включи! Деловой...

И бросил трубку.

Другой бы тут же брякнул в службу собственной безопасности УВД, но я не стану. «Схемы дятла» для меня не существует, ни при каких. Хорошо, Гарик ваши сигналы принял, правда, не знает теперь, что с ними делать.

Эпидемия, что ли, началась?

Тогда почему «Скорая» ведет себя странновато, и это очень мягко сказано. Да и я ни в одном глазу, что весьма странно, учитывая, как бодро вирусная «скоротечка» произошла. И такое творится повсюду, иначе мутные слова представителей специальных служб не расшифруешь.

К соседям нужно сходить, вот что, одному инфу быстро не переварить.

Хочется сказать: лучше бы я туда не ходил.

Девять трупов на всех этажах, включая двоих из персонала.

Первым я нашел своего шахматного знакомого Шарифа, он ведь тоже поутру выскакивал на зарядку, редко, правда, и без беготни в спортлаптях – таджик махал руками в пределах ограды. Ему-то что не спалось? Полностью осматривать большое здание я не стал, пока не вижу смысла, как и заново звонить по службам. Хватит с меня такого продуктивного общения, сыт по горло.

Вернувшись к себе в номер, я вышел на балкон, сел с сигаретой.

Нужно очухаться и привести мысли в порядок. Понятно, происходит что-то хреновое до немогу. Понятен, хоть и вряд ли может быть оправдан, временный паралич властей. Если у них много вызовов... Ну что ж, тогда и подождать можно. Правда, с трупами действительно что-то нужно делать.

Или тупо сняться с якоря?

Нет. Рано мне сниматься, не стоит дергаться, не владея обстановкой, глубже влипнешь.

Ладно, опять курим.

«Плазма» исправно караулила новости, а я прихватил камеру, такие события нужно фиксировать, мало ли. Странно это, не странно, но международный аэропорт Сочи еще работал, обеспечивая трафик в полный рост. Задержки по расписанию имелись, правда, было их немного, и самолеты садились один за одним.

А на взлет кто у нас первым?

Я по инерции посмотрел в смартфон – борт авиакомпании «Эмирейтс», рейс на Дубаи. Ага, будет «Боинг-777-200», это красиво. Взлеты, хоть и проходят далековато от меня, тоже интересны. Разные типы самолетов, авиакомпании и пилоты взлетают по-особому. Кто-то сразу прет в небо, да еще и с разворотом, к ужасу одних паксов и к полному восторгу других, кто-то набирает высоту медленно, полого, ноль экстрима. Дубайский КВС поднимал машину спокойнo, размеренно, без высшего пилотажа. Фотографировать его я не стал, не то настроение. И вообще, башка где-то не здесь.

Думается о семье, о родителях и сестренках.

Позвонить бы им нужно, вот что. Точно, но сперва дождусь очередных развернутых новостей, это важно. Позавтракаю чем-нибудь позже, из опыта знаю, что аппетит у меня будет спать еще часа два, а вот позвоню сразу после выпуска новостей. Потом займусь... Делом займусь, и с этим «делом» мне придется торопиться, трупы реально куда-то нужно пристроить, это вам не шутки. Может, у соседей есть большой холодильник? Столовая там всегда в загрузке, строителей на обеды собиралось много.

Ох, дальше и представлять не хочется...

Вообще-то, Гарик в гробовщики не нанимался. Девчата – это святое дело, они свои. Шариф тоже, он как бы в кентах, тут по понятиям будет. А вот всех подряд хоронить... Изловить бы мне парочку ботвинников в переулках, было б легче. Надо думать. Или ловить.

Очнулся я тогда, когда в небе что-то изменилось.

Быстро глянул вверх.

Взлетающий дубайский «Боинг-777» с красно-сине-желтым хвостовым оперением менял курс, даже не успев втянуть стойки шасси. Огромные буквы «EMIRATES» на широком серебристом фюзеляже быстро сжимались и прятались друг за друга, лайнер достаточно резко, с креном поворачивал на левый борт.

Прошло несколько секунд, и ракурс изменился радикально – пассажирский «джет» шел, как казалось, прямо на меня!

Я еще успел машинально сделать пару кадров, после чего руки сами собой разжались. Камера больно стукнула меня по животу, пальцы ухватились за кованые перильца узкого балкона. Быстрый взгляд вниз – тоска, сука, если с моим весом прыгать на брусчатку, то вряд ли потом куда-то побежишь!

Куда он врежется, а? В береговые бетонные плиты, под углом уложенные в русле, прямо в «Орхидею» или куда подальше?

Это пронеслось в голове моментально, одним ярким мазком.

Позади – почти стопроцентно пустые отели.

А вот дальше простирается парк «Южные культуры». Воющий звук двух мощнейших двигателей Pratt & Whitney PW4074 отчего-то как бы пропал, будто динамики выключили.

Знаете, я и не припомню, видел ли в своей достаточно разнообразной на пугалочки жизни чего-либо более чудовищного. Тупая туша реактивного лайнера, несущаяся прямо в лицо, казалась мне куда более ужасной, чем все огнедышащие драконы рваных мальчишечьих снов.

У него же полные баки топлива, ведь только взлетел!

Это супербомба!

Еще работающие во взлетном режиме самолетные движки за четыре метра диаметром при ударе о землю или здание первыми сорвутся с пилонов гиганта и отдельными огненными кометами полетят по земле, с легкостью пробивая тонкие стены и оставляя за собой почти напалмовый ужас. А потом взорвутся топливные баки, выжигая вокруг себя весь кислород.

Решай, Гарик...

И я уже почти прыгнул вниз, наплевав на неминуемо битые ноги, когда лайнер внезапно подхватился, так же резко отвернул и пошел в сторону моря.

– Не-а, не выберется он, – прошептал я и сухо сглотнул.

Что тут угадывать, не поднять теперь самолет!

Мне даже померещилось, что с такого расстояния я как-то сумел через тонкий дюраль обшивки увидеть мертвый экипаж, повисший на ремнях и штурвалах. И теперь кто-то из пассажиров или экипажа еще пытается спасти всех. Помоги тебе Аллах, братан...

– Один, два, три, четыре, пять, шесть, – еле шевеля мгновенно пересохшими губами, я зачем-то вслух считал секунды.

На счет «двенадцать» огромный лайнер, так и не успев выровнять горизонт, под углом воткнулся в воду Черного моря. От удара вспыхнуло топливо, никогда не думал, что это может произойти и на воде.

Живот сжал резким спазмом, и я перегнулся через балкон. Секунда – и меня вырвало. Точнее, лишь пробило импульсом резкого спазма – рвать-то, в общем, было нечем, внутри один кофе жидким остатком. Сдернув белое гостиничное полотенце с уличной сушилки, прикрученной к стене, я торопливо вытер лицо и обессиленно опустился в пластиковое кресло.

Сегодня напьюсь конкретно, точняк!

Отдышавшись, я, все еще держа полотенце в руке, огляделся.

Через два отеля справа от меня, к реке на шум выскочили две подружки, я их типа немного знаю. Спорт там в принципе мимо, а вот побродить вечером с пивасом в руках по набережной эти задрыги любят. Увидев меня, девки помахали руками, показывая на море, я привстал, пожал плечами и вяло махнул в ответ. Лишь бы сейчас сюда не поперлись.

Где-то далеко истерично заревела сирена «Скорой», за ней другая. Им быстро и яростно ответила «пожарка», походу, машины понеслись к морю. Ну, слава богу, хоть на такой кошмар у вас ресурс нашелся, управленцы хреновы... Зря я ругаюсь. И действительно, где тут им по таким мелким вызовам ездить, трупы из частных мини-отелей забирать, когда в Черное море самолеты падают. Жопечик, реальный завал!

Надо пошевеливаться, Гарик.

Выполняя собственный приказ, я передернул плечами и потряс кистями – пошевелился, елки... Тут ведь сейчас всякие расклады могут быть. Не хочешь хоронить – вали к лешему, машина рядом стоит. Кстати, надо бы срочно найти нужные ключики с брелоком и следить за ней в оба, это теперь твой персональный эвакуатор. Осмотреть, остаток топлива проверить. Может, придется смотаться на заправку. Или есть резон остаться до поры тут, спокойно разобратся с ситуацией, понять – что вообще в этом мире творится? И трупы нужно пристроить побыстрей.

Ведь «Орхидея» – самое оно как место для передержки: еда в ассортименте, питье тоже, два генератора в подсобке сам видел. Периметр, в конце концов, можно и укрепить... Река течет в двух шагах – и это обстоятельство может пригодиться! Уже немало имеем, по такому-то раскладу.

Где-то что-то стеклянно зазвенело, пронзительно тьякнул автомобильный сигнал. Вот и сирена завывала. Через пешеходный мост быстро, панически оглядываясь, но молча, в нашу сторону бежала пожилая женщина. Больше никого не видно. По автомобильному мосту, что справа, за последние минуты в сторону Олимпийки и Веселого прошло от силы пять машин, курорт как будто вымирал.

А на той стороне реки вдруг заорали в голос.

Мне хорошо было видно, как из-за деревьев выскочил какой-то мужик в светлых купальных трусах и раненым зайцем понесся по набережной. Слушай, Гарик, а ведь он действительно ранен, руку зажимает, вроде даже кровь видно! На ходу скинул шлепки – значит, отдыхающий. За ним гнались трое, по одежде – хлопцы из местных, явно собираясь освежевать беглеца. Нормальный ход! Я с каким-то дьявольским интересом наблюдал за развивающейся трагедией, прикидывая, как бы сам разбирался с такой погоней.

А разобрался бы, без байды... Тут нужно так, как Спартак делал. Вот здесь надо остановиться и разом снести самого шустрого бегуна. Локтем, если рука слабая. И дальше деру. Еще, еще... Стой! И опять, второго, да с ноги в колено или в бедро, с распиловочкой, этот, по ходу, вообще не боец, сразу ляжет.

По честному, так из всей тройки никого из опасных не было. Просто озверели люди от погони. Так, так... А вот последний, зуб даю, сам бы скинул паруса, прижми его взглядом, ишь, как шлангует. Не банда, шакалья стайка. Но босоногий «отдыхающий» меня не слышал, книгу Джованьоли явно не читал, дыхательную мускулатуру никогда не тренировал или же просто отчаянно трусил.

Его догнали быстро. Смотреть дальше, как троица добывает добычу, я не стал.

Вернулся в комнату и сел на кровать, сделав звук телевизора погромче – приближалось время очередных новостей.

Прикинул: многое из нужного да важного в «Орхидее» уже имеется, да не все. Мне предстоит добыть и еще кое-что – оружие. Пожарного щита во дворе я не видел, но уж топорик-то в таком хозяйстве точно должен быть. Хотя, по мне, лучше бы короткий ломик занять да моток

синей изоленты. Сейчас остыну, пороемся, поищем. И это только временная мера, если так дело и дальше пойдет, то без шпалера не обойтись.

Наметив столь стройный план, я вновь побрел вниз. Вот пока и все. Ничего сказать не забыл? А! Забыл! Скажу.

«Зачинался новый день».

Глава 2

Ситуация проявляется, структуры шевелиются, но легче от этого не становится

Отдохнуть мне удалось целых два часа. Мало, конечно, но уж как вышло.

Я так спать хотел – наверное, реакция пошла, – что и обыскивать ничего не стал.

Начал было с прачечной, где сразу нашел сорокасантиметровую монтировку красного цвета с резиновой рукоятью – чисто фомка, как по заказу, и изолента не нужна, – после чего плюнул на все звонки, дальнейшие поиски и увалился на кровать, поставив будильник на двенадцать дня.

Голова пустая, все плывет, какой, к черту, работник... Единственное, что успел тогда сделать, – прибрал девчонок, закутав их в белые простыни, в прачечной и найденные, стянул руки и ноги, завязал узлы на головах, как это делают в больничках перед отправкой в локальный морг. Документы не нашел, наверное, дома оставили, к чему они тут. Потом еще поищу. Посидев пять минут, звякнул с их же сотовых домашним – тишина. Понимаете, никто из родни трубку не взял! Вообще никто – а это пять номеров в среднем на каждую из девчат!

Делайте выводы.

На большее меня не хватило – упал.

Проснулся я от тихого, но настойчивого сигнала телефонного вызова. Ума же не хватило с ресепшена взять радиотрубку в номер! Сквозь сон понял: надо брать.

Вообще-то, неудивительно, что телефонная связь жива, так и должно быть, иначе для чего вообще провода тянуть. Да и госструктуры вещь весьма устойчивая, хрен сковырнешь. Этого у госов и муниципалов не отобрать, вся их эволюция заточена на вечную жизнь без сокращений и перегруппировок, на вечный распил и вечные откаты, на стабильно увеличивающиеся оклады и штаты, на ежегодно растущие льготы. Соответственно, и стрессоустойчивость госструктур сформирована не заботой о населении, упали бы мы им, а заботой о личном выживании – и это реально крутой мотиватор. У всего конструкта может быть в дупель тупая башка – орган управления, – могут быть гнилые стены, через которые постоянно валятся стремительно подбираемые ресурсы... Но вот крыша и сваи всегда окажутся железобетонными, можете не долбиться, бесполезно.

Потому я пошагал вниз, держа в руках джинсы, футболку и кроссовки. Именно пошел, а не побежал. Все, братва, возраст «зеленых молний», когда сразу после сигнала «подъем» ты был практически готов к бою, уже прошел. Теперь организму требуется время на раскачку. Спускаясь, я пытался припомнить, когда в последний раз мне кто-либо звонил по городскому телефону.

Схватил трубу:

– Алло, гараж.

– Центр управления кризисными ситуациями МЧС на Красной Поляне, оператор-семь, спасатель второго класса Евсикова! – Голосок у спасателя второго класса был тоненький, но резкий, уверенный.

Хм... Хотя это радует: не школоту мокрогоубую за пульт посадили.

– Слушаю вас очень и очень внимательно, – сказал я в трубку, прижатую к уху плечом.

– Вы отдыхающий Залетин? Игорь Викторович?

Опа-на! Быстро у них тут пробой идет! Едва запалился, как уже на учет приняли.

– Есть такая маза, – сказал я, стоя на одной ноге и натягивая штаны.

– Ответьте конкретно, пожалуйста, – надавила Евсикова.

Ох, и не люблю же я, когда на меня давят. Но сейчас, сонный, теплый и еще вполне мирный, я такой наскок пропустил.

– Ой, ты... Да конкретный я, конкретней не бывает. Залетин на трубе.

В трубку было слышно, как в зале или комнате, где сидит эта операторша или дежурная, чьи-то голоса, заглушая друг друга, что-то нервно выясняют, разъясняют и дают указания.

– К вам выехала эвакуационная машина, МАЗ-самосвал.

Вот это дело! Давно пора бы приехать, а то будет вам эпидемиологическая бомба во все побережье.

– Вас понял, гражданка начальница, – обрадовался я.

– По прибытии автотранспорта обязательно проверьте удостоверяющие документы. Старшим машины будет спасатель Ульянов. И вообще, вы теперь у всех документы проверяйте, – посоветовала девушка и тут же поправилась: – По возможности.

– Сделаем, – пропыхтел я, натягивая, наконец-то, и футболку.

– С вашей стороны необходима помощь в погрузке трупов. Сможете?

– Смогу, че там, не впервой... Стоп, барышня! Так у вас же тут филиал МЧС есть, у меня под боком, на месте автошколы!

– Филиал МЧС уже свернут и эвакуирован по объективным причинам. Так сможете или нет?

Раз такие дела, то, уж конечно, смогу, это в моих интересах.

Почему-то думается очевидное: просто так отсюда сейчас не сдернешь, район стопудово закрыли, чего в том сложного, автодорога-то одна. Правда, от Красной Поляны наверняка набита и натоптана через перевалы местная «Тропа Хо-Ши-Мина» – нестандартный путь в Ставрополье.

Можно и через Абхазию и Грузию вломить, если совсем уж с головой не дружишь.

Я дружу.

– Очень хорошо! Значит, мы в вас не ошиблись. Теперь так, товарищ Залетин, давайте сверим ваши личные данные.

И она, не дожидаясь моего согласия, как и любой другой реакции, спокойно начала диктовать мои же реквизиты. Тут уж я конкретно припух. Оперативненько работаете, служба! Тем не менее, я все согласовал и подтвердил, в конце спросив:

– Гумиров капнул?

Эмчезсница замялась:

– Да, мы знаем, что вы ему еще успели позвонить.

Как-то неуверенно она. Елки... Подожди-ка, девица...

– Гражданочка, а Гумиров-то жив? Или и его цапануло?

– Интересный у вас сленг, Игорь Викторович... Цапануло Гумирова, да недоцапануло.

Откачали, но левая рука отнялась. Ладно, давайте уточним еще кое-какие моменты. Опишите мне ситуацию в окрестностях.

– Вы что, с воздуха не смотрите? – удивился я.

– Почему же? Беспилотник летал и будет летать. Как только небо откроют.

Вот те на, небо закрыто! То-то я шума авиадвигателей не слышу.

– Но днем наличие людей проверить таким способом затруднительно. А вы и ночью видите район. Итак...

И я, перестав быковать, начал подробно рассказывать, что знаю и что видел ранее.

Подавляющее большинство местных гостиниц открывается лишь в конце апреля – начале мая, сейчас отели безлюдны. Есть, правда, какая-то затруханная охрана, эти иногда обходят ночами, смотрят. Во время прогулок в паре-тройке зданий подальше видел штатных сторожей. Те еще кадры, то датые, то замороженные. Но жильцов практически нет, ночью район крошечно темен, живы лишь редкие и слабые уличные фонари, из которых два мигают секунд по

тридцать, жуть. Рядом с «Орхидеей», в «Парусе», люди жили – таджикские строители, которых скоро будем грузить в кузов, да с правой стороны есть отельчик, не знаю, что там на табло, это где две курицы живут. Рассказал и про них.

После отчета Евсикова пыталась меня минут семь, записывала дислокацию и расстояния до ночных огней, пока не зафиксировала все, что ее интересовало. И хорошо, запарила уже, еще немного, и я бы не выдержал.

– Телефоны записывайте. По всем вопросам можете звонить, спросите Евсикову или «оператора-семь». Сейчас никакие вопросы мне не задавайте, через три часа по местному телевидению будет транслироваться подробное информационное сообщение, напоминаю, это третий канал. Некоторые спутниковые телеканалы уже не работают, Интернет обрушен, можете и не пытаться.

– А где он не обрушен? – насторожился я. – На машине доеду?

Она помолчала, словно удивляясь моей тупости.

– Он везде обрушен, Залетин. Нет больше Интернета, пока что, во всяком случае. Сотовая связь можно сказать, что работает, но неустойчиво. Если вам нужно позвонить родным – поторопитесь.

Вдали, на набережной, со стороны пешеходного моста, слышался шум дизеля.

Едут, чипидейлы!

Сообщив дежурной о прибытии труповозки, я отключил трубку и, засунув за ремень воровскую фомку, по-хозяйски вышел на улицу. На той стороне реки, в центральном районе Адлера, дело было плохо. В четырех местах над городом поднимаются дымы пожаров. Нет, даже в пяти, этот вот, самый дальний, уже пригасили или же сам потух. Вот падаль, что-то события на меня валят без паузы, вообще нет времени подумать, перевести дыхание и набросать хоть какой-то план действий.

Оранжевый самосвал, пыхнув пневматикой тормозов, встал напротив.

Из кабины выскочил лысый мужичок среднего роста, весь такой официальный, в помятой синей форме с золотистыми лейбаками и лагерного типа кепочке с кокардой. На поясе у лысого висела кобура ПМ.

– Спасатель Ульянов, – быстро сказал он, протягивая распахнутые корочки.

Я смотреть не стал, и так вижу.

Портрет простенький, но глаза прохладные, колючие, кой-че мужик повидал. И сам крепкий. Нормально. Рулежник выходить не торопится, все что-то проминается в кабине, наверное, шланг ищет, мимикрирует. Не хочется ему трупачи грузить, понимаю. Но... не то сейчас время, чтобы быковать про: «Я гордый водитель кобылы, а не грузчик вам тут, у меня категория и стаж пятнадцать лет!»

– Что сидим, Коля? Кого ждем? – поинтересовался у него Ульянов.

– Иду я, иду...

Посмотрев на комплекцию этого «Коли», я решил:

– Слышь, крутила, ты давай мухой в кузов лезь, сами перетаскаем.

– Ага! – радостно кивнув, он охотно полез наверх.

Большую садовую тележку я прикатил к воротам загодя. Своих девчат грузил лично и бережно, далее уже так не нежничал. Вот ведь интересно, всего-то ничего пообщались, а вроде как и нечужие. С таджиками мы провозились дольше. Последним грузили Шарифа.

– Лейтенант, вы их как разгружать будете? – поинтересовался я на всякий случай. – Подъемом кузова?

– Да ты что, Залетин! В уме, нет? – возмутился эмчезник. – Нормально снимем.

– Да не парься, – не стал обострять я. – Ты же не ожидаешь, что вот именно сейчас честный пацан вашей власти верить начнет.

В общем, своих положил с самого края, пусть их аккуратно снимают, пока люди не устали... Ульянов вымыл руки у фонтанчика во дворе и полез в кабину. Я посмотрел на часы: быстро мы обернулись. Все, господа хорошие, можете ехать дальше, места вам указал. Но лейтенант и не думал усаживаться. Быстро вернувшись ко мне, он вытащил из прозрачной файл-папки чистый белый конверт и с государственным видом заявил:

– Гражданин Залетин, как говорится, примите и распишитесь. – Он протянул мне толстые корочки красного цвета. – Вас ведь оператор предупредила?

– О чем это ты, уважаемый? – медленно проговорил я, настороженно глядя на подозрительную ксиву, больно похожую на ментовскую.

Летеха чертыхнулся.

– Везде хитрят! Хотят, чтобы мы прям тут, в поле, разъясняли! Ты с кем в ЦУКС по телефону говорил?

– Я че, на барабанщика похож?

– Ладно, понял, сам разберусь, – вздохнул он. – Значит, так, ты Штабом назначен смотрителем первого Заречного участка. Временно, что-то типа общественной нагрузки, но с полномочиями. Так себе полномочия, скажу сразу. Неопределенные.

Меня кто-то спросил, впало мне такое счастье, в принципе?

– Стоп. Гарик по жизни не подментованный. Вы там не попухли, начальнички? – заботливо поинтересовался я. – Какие такие смотрители, какой участок? Я что, призван?

– Да и призовем, если надо будет, не волнуйся, это у нас легко! – тут же пообещал мне МЧС. – Млин, вот говорю же, хитрят, сучки офисные, а ты тут объясняйся! Нет у нас людей, Залетин, вообще нет, реальный завал! И поэтому любой адекватный человек на территории учитывается и припахивается, по мере сил.

– Чьих сил? – спровоцировал я, чувствуя, что не прочь подраться с кем-нибудь от закипающей злости.

– Твоих! Чьих... Других нет, и другого выхода нет!

Черт, неужели все настолько плохо? Я-то тут на отшибе сижу, ярких картинок после случившегося пока не видел, обстановку не секу.

– А что думает администрация? – попробовал уточнить я.

– Хренация! От администрации осталось три с половиной человека, да и те, как вчера из овощного уволились! Я, простой летеха, а власть имею полковничью, это тебе говорит о чем-то? Нет людей! Так что не муди, Игорь Викторович, для тебя – самый лучший вариант, один хрен пока не выберешься, перевал за Дагомысом закрыт наглухо.

– А кто закрыл, ваши?

– Не, там армейцы оперируют, о причинах-следствиях пока не распространяются. Вроде бы еще и дорога разрушена, там какой-то бой скоротечный случился. Новостей дождись, может, что-то скажут. Я ж с ночи в разъездах, информации имею чуть больше, чем ты.

– Подожди, а как же действует геройская наша армия в самом Адлере?

Спасатель еще раз вздохнул, с тоской посмотрел на машину, на кузов с трупами, принял решение и предложил:

– Пошли, сядем. У тебя в доме кофе есть?

Получив утвердительный ответ, он обернулся к МАЗу:

– Коля, ты вот что... Кати дальше, через три гостиницы, схема за стеклом. Там две женщины или девушки, загрузи от них два тела и назад, сюда.

Водила что-то забормотал в контру командиру, пугливо и путано.

– Распустил ты личный состав, летеха, – вклинился я и протянул руку: – Гарик. Можно Гарик Енисейский.

Спасатель ответил за себя, а за водилу лишь крякнул и махнул головой:

– Володя я.

Пожались. Коля Шланг опять заорал что-то неразборчивое. Потерпи, черт трусливый, будет случай, поучу я тебя, мальчика. Ульянов удивительным образом его булькотню расшифровал, сыгранный экипаж, елки...

– Че? Тогда жди пока, тут поговорить нужно! Что сказал? Не, я балдею... А давай-ка ты сам за кофе сходишь, а? И двигатель заглуши, не на олимпийской стройке, топливо беречь надо. Тарахтит тут, на...

Вместе с водилой налили по чашке из кофемашины, после чего мы с Ульяновым сели прямо на улице, расположившись за выносным столиком летнего кафе, под большим круглым тентом с рекламой мороженого. Стулья тяжелые, металлические, на гнутых ножках, удобные. Даже пепельница есть. Лейтенант закурил, я тоже.

– А что делать, водителей грузовиков мало. – Он тихо как бы оправдывался. – Сам качественно не смогу, не та специализация, попробуй тут покрутись без опыта на тяжелом самосвале по узким улочкам.

Пару затяжек помолчали, хлебнули горяченького.

– Ты уже понял, что случилось? – цепко глядя мне в глаза, спросил спасатель.

– Да че тут понимать, какое-то генное оружие.

– Так точно, – кивнул он. – Только, понимаешь, никто не может ответить, какое и кто его применяет.

– Что, еще продолжается? – Я напрягся.

Он в ответ просто кивнул, отпивая еще один большой глоток.

– А что это вообще, вирус, что ли?

Лейтенант болезненно поморщился, показывая, как надоели ему такие гениальные вопросы и смелые предположения доморощенных экспертов.

А что он хочет, фантастику все читают, там этого вируса, как в тайге шишек! Хапэ, и ты зомбак! Хапэ другой раз – вампир педрильского вида с накрашенными по-бабьи глазками. И все мгновенно, родня всплакнуть не успевает, как уже погрызена до кости! Может, уже и сочинили подобное, с наших и ненаших «гей-люссаков» станется.

– Говорю же, никто ничего не понимает. Может, и так. Хотя какой вирус... Практически мгновенное действие, без инкубации и предварительной симптоматики. Остановка дыхания, бах, и готово. А ты – армия... Там тоже лишь клочки остались, они лишь границы зоны перекрывают. Только зона растет по минутам.

– А вообще заразно?

– Пока ни одного достоверного случая.

Ясно, это мы на полочку отложили.

– И что, всех кавказцев и азиатов валит?

– Ничего подобного, всем достается! Но в основном, так, по нерусским удар. Точнее – не по нам он был нанесен. В этот раз. – И лейтенант тяжело задумался.

– А чьи это «тарелочки»?

– Опять мимоза. Да и при делах ли они вообще...

– Что, ни одной не сбили?

– А что, разве кто-то по ним стрелял? – отсутствующе произнес он. – По ходу, у пэвэошников установка по НЛО была совсем другая.

Просто красота!

– Версии-то пробрили?

– Может, есть версии, может, нет, нам не докладывают. Только ты прямо сейчас их не развивай, вот уеду, и валяй тогда, наслушался я уже всякого бреда.

– Ну а сам как думаешь?

– Я что, генный инженер? Медик-биолог? – проворчал Володя, но тут же высказался по сути: – Знаешь, Гарик, избирательность у этого Средства какая-то странная бывает, вот что я

скажу. Косячит Средство. Иной раз русского валит, у кого в роду никого из кавказцев сроду не наблюдалось. И наоборот бывает, армянин стопроцентный, а жив. Ладно, ехать пора. Слышь, Залетин, если дальше обнаружим... ну, если их много будет... Ты как?

– Помогу, раз впрягся.

– Молоток ты, мужик! – обрадовался он.

– Гарик не мужик, – машинально поправил я.

– Ладно, ладно, понял... Слушай, ты за речку, в Адлер, пока не суйся, плохо там. Тут держись, наблюдай за территорией, звони, если что. Рация есть? Хреново. Тогда хоть частоты запиши.

Взяв у него ручку, я на пачке сигарет зафиксировал частоты МЧС.

– А машина? Эта твоя? – Он кивнул на «шниву».

– Не моя, но будет. Не проверял еще.

– Заправляйся под пробку, но попусту не разъезжай черт-те где, – посоветовал лейтенант, уже как своему. – Я бы тебе оружием порекомендовал разжиться, да ты и сам, вижу, сообразишь. С моей стороны тут пока пас, но в голове держать буду, обещаю... Что еще. Вояк очень мало, это сказал уже, так и полиции тоже мизер. Они возле «Магнита» с армией стоят, тут рядом, добро от мародерки берегут. Знаешь, где это?

Я кивнул. Как не знать. Огромное двухэтажное здание «Магнита» действительно недалеко отсюда, по другую сторону шоссе. Был пару раз.

– А сколько всего экипажей работает на вывозке?

Лейтенант немного подумал о том, госсекретно это или по балде.

– Сначала было восемь единиц техники, потом догнали до тринадцати. Дальше не знаю, уже не следил. Думаю, уж штук шестнадцать-то наскребут. Тем более что постепенно определяются помощники, ну, вроде тебя люди.

Интересная у них стратегия, заботливая. Найди и поручи.

– Слышь, Вован, а че вы меня к себе не приглашаете? – медленно начал я пробивку. – Типа в концлагерь беженцев, или чего вы там уже выстроили с палатками и общественной парашей? На котловое питание беженца поставят, охрана, медики под боком. Я че, недостойный?

Эмчезовец усмехнулся:

– Что тебе там делать, боец? На слезы смотреть?

– На шару обшпилить хотите, начальники, – констатировал я.

– Никаких шаров и шпилей, – отмахнулся Ульянов и потушил бычок. – Ты же из бодрых? Значит, сможешь порядок какой-то поставить, хоть что-то сделать. Да и ресурс у тебя тут есть, не пропадешь. И другим выжившим не дашь пропасть. А мы поправим, если что.

– Я не воспитатель детского сада.

– Ага, не воспитатель. Считай, положенец, так тебе понятней будет. Как ни крути, а остатки госструктур все равно есть самая сильная банда на этой земле. Вот Штаб и решил тебя поставить...

– Сходняк, – поправил я.

– Да и пусть. Примыкай, урка.

– Типа на кормление?

– Типа на кормление... Время, Игорь, нам ехать пора. Еще загляну, поболтаем, если кофе угостишь. Остальное сообразишь сам. Впрочем, если захочешь, то вывезем и тебя, работ по восстановлению будет много.

И он пошел к машине.

– Подожди-ка, лейтенант! – быстро выкрикнул я, вспомнив о вопросе, интересовавшем меня сейчас больше остальных. – Хоть скажи, это как оно вообще, локально? Откуда и куда прилетело?

Спасатель подумал, раскачивая рукой высоко расположенную дверь кабины:

– Сначала тут и по всей южной границе до Каспия. Потом везде поперло. И в других странах жажнуло, но тут с информацией полная каша, точных данных нет, со связью очень плохо, да и отмалчиваются, секретность, блин... Ждем пока уточнений. Все, бывай пока.

Пыхнул ресивер, самосвал тронулся, выпустив облако черного дыма, и медленно показывал дальше, подбирать двух жмуров по соседству. Там они развернутся и поедут в сторону пешеходного моста, к повороту на Цветочную. Дальше на улицу Южных культур, а уж потом и на Станиславского, где гаишники были... Эй, ребята, а почему возле ГИБДД мертвецкая тишина? Удрали, что ли, первой же попутной дрезиной? Скорее всего, так и оно есть, начальнички остатки структур собирают в кулачок. Что, и мне тут кулачки собирать?

Быстро забрав трупы, самосвал снова притормозил возле «Орхидеи». Открылась дверь, и Володя, перегнувшись через водителя, крикнул:

– Гарик, там две девахи вибрируют, ты забрал бы пока себе! Если что, позже их вывезем.

– Разберусь, скоро сами придут. Давай, удачи, лейтенант.

Сотовая связь ни к черту.

Вроде черточки в углу дисплея есть, а не цепляется. Один раз соединился, и только голос папкин успел услышать, как тут же отрубил. Я полчаса снова и снова пробовал набирать то номер отца, то мамы – бесполезно. Хоть голос живой услышал, и то хлеб. Теперь буду пробовать каждый час.

Закончив похоронное дело, я решил взяться за тщательное исследование усадьбы. Раз на кормление дали.

В прачечной более ничего интересного не нашел, обычный хозбыт, химия да тряпки. Но чистого постельного белья много, это радует. В большой кладовке рядом – предметы летнего назначения, их не успели вытащить во двор: белые шезлонги, столики и стулья, надувной детский бассейн, мячи, круги, складные коврики. В другом углу – какие-то садоводческие снасти, разноцветные пластиковые шланги и распылительные пистолеты. Сачок-переросток на длинной ручке – ага, это чтобы бассейн чистить. Спасибо, что напомнили! Нужно в бассейн воды набрать, только придется сначала вычистить дно. В принципе Мзымта рядом, но такую мутную, после дождей в горах, воду использовать что-то неохота. А так будет запас, когда насосы на подкачивающих станциях вернутся.

Сарай во дворе стал следующим объектом шмона.

Так. Штук двадцать бумажных мешков с углем, жидкость для розжига, шампуры всех размеров, включая просто чудовищные стальные «шпаги» – это для надворной шашлычницы с поддувом. Красивенько там «огневое место» устроено, скамеечка, столик сбоку, фонарики на стойках, жестяной навесик с вытяжкой. Уголь – это хорошо. А что им топить будем, если понадобится? Большой художественный камин в обеденном зале. По-моему, и в сауне тоже есть топка, надо вскрыть и посмотреть.

Два маленьких генератора, оба заправлены. Проводов я сразу не нашел. Позже осмотрю щитовую под лестницей, наверняка там все уже предусмотрено. Инструментарий слесарный по минимуму, а вот верстачок с тисками имеется, хорошо. Рядом на стене аккуратно, но бестолково развешан столярный инструмент, его тоже немного; наверное, оперативных чинильщиков звали по договору, сами не морочились. Лыжи какие-то, санки, на... На хрен в Сочи беговые лыжи? А-а, это для Красной Поляны снасти, наверное, хозяйские, по-семейному ездили. В общем, негусто, однако самое нужное имеется. Спецодежда, бутылки с жидкостями, наклейки вижу, потом прочитаю. А тут стоят автомобильные жидкости, масло-синтетика, антифриз, даже промывка есть – хозяйка джипа покупала, ее хозяйство.

Одна дверка закрыта, ключ нужен, ломать не хочется.

Сбоку от сарайки под навесом – поленница образцово-показательных дров, все маленькие, калиброванные, чуть ли не красного дерева, такие и рука не поднимется в огонь кидать. Это для обеденного зала, для красоты и антуража, для особых случаев. Вот он и настал, самый что ни на есть особый, – особой некуда.

Пошел я на ресепшен и выгреб из ячеек и стола все ключи.

А сколько времени у меня? Ух, ты, нужно поторапливаться, скоро та самая трансляция начнется. Открыл я сауну, в которой ни разу не был, – знатное заведение. Парилка, небольшой бассейн-джакузи, циркулярный душ. В комнате отдыха на стене две кабаньи головы щерятся желтыми клыками, под ними висят реплики холодного оружия. Забавно. Это кто решил, что в сауне сие столь необходимо? А это что?

Сняв один большой кинжал со стены, я всмотрелся. Вот артисты! Никакая это не реплика, нормальное холодное оружие. Кама. Клинок лезгинского типа, это когда долы с разных сторон чуть разнесены по оси друг от друга, клинок становится плосче. На одной стороне клинка надпись лазером: «Кизляр» и марка стали – Х12МФ. На другой стороне старинной вязью написано: «ТКВ», Терское казачье войско.

Нормальный ход!

Вытащив клинок полностью, качнул, взвесил, повертел в руке. В моей лапе узкая рукоять теряется, нужно бы кожей обмотать, и будет то, что надо. Холодное оружие я уважаю, без фанатизма, пределы знаю, для меня ножик – инструмент. Так скажу: все ретивые ножевые цирк-упражнения – в топку вместе со «школами» и «кружками», годы жизни нужно тратить на иное. В бою нож с пистолетом не сравнится. Кручение ножиков есть лишь гопотная мечтательность инфанта-переростка. Хотите мастерски владеть холодным оружием – занимайтесь нормальным фехтованием.

При обвалах социального и экономического ландшафта возникают интересные коллизии, как говорит мой папан. Вот тут холодняк, как первичное оружие, может пригодиться. Только не ножик туристический, а нормальный боевой клинок средней и более длины, типа того, что сейчас зажат в правой руке.

Такой и против зверя хорош. А звери скоро появятся. Крупные, нахальные одичавшие собачки и до этих взрывных событий бегали стайками по берегам Мзымты, как и по самому руслу, среди островков и мелей, иногда пугая людей взрослых, и почти всегда – детей. Скоро количество псов удвоится, а потом и утроится: набегут «санитары», пополнятся ряды диких новыми брошенными псами. И тут хороший крепкий клинок лишним не будет.

Попробовал нацепить на пояс, вроде нормально. Сдвинул влево. Ну и колхоз. Это что, я так и буду ходить с живопыром на пузе, как абрек недобитый? Надо что-то придумывать.

Подумал, передвинул почти за спину. Ладно, пусть так пока висит...

От столь интересного и нужного занятия меня отвлекли далекие выстрелы.

Прекратив милитари-упражнения, я быстренько выкатился на улицу.

Стреляли в городе, за Мзымтой, в районе улицы Богдана Хмельницкого. С такого расстояния далекие выстрелы казались вполне безобидными хлопками, которые запросто можно спутать с чем угодно, со строительными работами, например. Минута, и редкая одиночная пистолетная перестрелка переросла в дружную и бойкую пальбу. Ого! Вот и автоматы в ход пошли! Садилы оппоненты длинными очередями, что особенно плохо – не профессионалы это, грамотно шмаляющие разумными «троечками». Кто-то вытащил из схронов или, что хуже, но гораздо более вероятней, захватил серьезное оружие у структур. Могу допустить, что и менты так бездумно палить могут, но, пожалуй, не местные; у них тут много всего интересного рядом, да за горками. Так что практику имеют.

Вскоре к переключке подключился гладкоствол – да там самая настоящая война идет! И грохочет теперь ближе, похоже, возле самого парка Бестужева. Вот теперь уже любой обыватель сообразит, что в городе власть меняется.

Это мне очень не нравилось.

С сомнением посмотрев на новообретенную каму, висящую на поясе, и дурную фомку за ремнем, я невесело хмыкнул. Приписывать даже доброму холодному оружию излишние мифические возможности я, повторюсь, не склонен. В огнестрельном беспределе любой черт с обрезом мне в беду встать может. Да... С такими раскладами я тут долго не прокормлюсь, нужно огнестрел добывать. А где его добывать?

Я же не один такой орел, задумавшийся об эффективности, найдутся ухари, готовые в данной ситуации прибрать стволы там, где они на виду, где их наличие само собой подразумевается. Это оружейные магазины и ментовские запасники. В наших краях в такой список попадут еще и оружейные комнаты геологических баз.

В мирное время всегда хватает идиотов, искренне считающих, что они смогут это сделать. Думающих, что владельцы оружейных магазинов тупы и трусливы, а не биты жизнью, умны и по-буржуйски жадны. Что напуганные менты сразу же побегут наутек, вместо того чтобы, наоборот, начать хапать под эту апокалипсическую дудку новые, немыслимые для них ранее права и ништяки.

Мечтать можно. Только будет наоборот.

Уже вооруженные люди своего просто так в жизнь не отдадут.

А Государство записывать в тупни – последнее дело. Государство – это танк. Дадут ему команду – поедет. Медленно, неразворотливо, просто поедет, и все. И, рано или поздно, этот танк тебя настигнет и размажет гусенками по грунту. И ничего сделать с этим движением невозможно, если ты сам не Государство. Поэтому, кстати, когда Государство объявляет охоту на какого-нибудь сбежавшего за британскую границу оленя, ехидно хихикать не стоит, тут рогатому не позавидуешь. Пройдут годы, десятилетия, вырастут новые прокуроры и следаки, помрет в вечной тряске сам олень, подрастут его дети-наследники. И непременно выпятятся имуществом, бизнесом, чаяниями или ностальгическими устремлениями. И вот тут танк и прикатит. Потому что он все это время, знаете ли, катил без перерыва – команды-то на отбой не было! Заберет, отожмет, найдет, докопается и засудит всех.

А еще этот танк стреляет, в том числе исподтишка.

Если кто-то думает, что он, присев в Лондоне на спертый у взрослых мальчиков большой ништяк, может свободно припевать: «С Темзы выдачи нет!», так болт ему в дуло. Потому что припевать-то ты, конечно, можешь, да вот только никак не свободно. У тебя же два дула над головой. Одно караулит, и никто не знает, когда ему это надоест, а другое целится – вот этому точно не надоест. Понимаете меня? Лишнего хватил, но свободу потерял.

Поэтому правильный пацан мародеркой заниматься не должен. Это не наше.

Я вам сейчас правильной, с точки зрения спецконтингента, философии чуток вкину, а вы там сами сварите, кто как сможет, первое-второе-третье, ну... Так вот, сесть на ништяк в такие времена – неправильный ход, даже если ты оброс охраной и заново обмазал цементом стены. Помогу с ключевым словом – это слово «сесть». Решение неправильное, повторю для невнимательных. Потому что оно лишает тебя главного – свободы. По большому счету это крысятничество: молодой придурок ночью в казарме втишка грызет зыныканые сухари, спрятанные под матрацем. Только втихушку и только ночью. Невелик кайф, да?

Наверное, простым умным людям, тем, кто способен понимать балансы, стоит разъяснить остальным, что слова «правильный» и «сесть» здесь имеют несколько иную коннотацию, в контру привычной. Если ты делишься из погреба по ситуации и по-умному, и не только с привязанными к тебе торпедами, а и с честниками да мужиками, так ты не крыса позорная – ты руководитель. И не «сидишь» унылым трясущимся говном на несоразмерно хапнутом барахле, а толково используешь ресурс, в рост. Себе на пользу, а значит, и людям, что бы это слово у кого ни значило. Маневрируя свободно.

А слово «правильный» вовсе не означает, что применяющий его в контексте есть примерный тимуровец или же, наоборот, отморозь конченная и олень, вовремя не дострелянный на английской границе. Это всего лишь означает разумное использование возможностей общины, где ты ходишь строем или стоишь в голове его с красивыми погонами.

Сейчас правильный ход, к примеру, так выглядит: найти дурных бойцовых хомячков и обезвредить их остатки путем обложения данью и крышевания, пусть работают, снабжают и обеспечивают. Если все сделать умно, то хомячки даже не поймут, что уже не их задницы ништяк греют. Пусть и дальше протирают пыль и пересчитывают банки с тушнякам... И является это не банальным рэккетом и отжимом награбленного, а развитием инфраструктуры группировки.

Хватит, дальше сами думайте.

А мне особо думать и выбирать пока не из чего. Нет бригады, нет кадров, без которых вопросы быстро не решишь. Вот и припахали меня другие силы, так как поняли, что в мужики я не пойду, а торпедное дело перерос. То самое Государство, которое, на нынешний момент, как и прежде, все еще Главный Бандит.

Вот только что оно, Государство, дальше-то делать будет? Да они там и сами пока не знают. Знают только, что сила пока есть, не все сдулось. Знают, что им нужны кадры. А уж Государство с кадрами работать умеет, как и подбирать людей на нужные посты. Это только обывателю мнится, что министр тупой. Министр очень умный! И потому он не ловится, или ловится очень редко и по отмашке, ибо пилит правильно, отмечает в нужную сторону, а отбрасывается весело: «Я ж не знал, что мой зам ворует!»

Опять забабыхало! Уже в другом месте.

В другом... Зараза, срочно до родителей нужно дозвониться! Попробовал несколько раз – облом. Наугад потыкал несколько телефонных номеров из записной, московских и питерских кентов. Что-то щелкает, но гудков нет. Плохо.

Пробился через час. Дозвонился! Камень с сердца слетел – у моих все нормально, все живы-здоровы, сидят в доме, который отец постепенно превращает в крепость, а подвал – в бункер. В маленьком городке, где люди живут долго, знают друг друга отлично, а посторонних почти не водится, выжить гораздо проще. Друзья, коллеги, много охотников и рыбаков, есть заимки, уголья, транспорт и запасы топлива, печи и припасы... И официального порядка больше. Вот только мне туда сейчас точно не прорваться, давайте без мифов – на всех магистральных или каша с беспределом, или стопора мертвые. Про дальнюю авиацию вообще можно забыть. Надолго.

Несколько расслабившись после успокоившего душу разговора, я начал думать о делах предстоящих. И о прилегающих территориях.

Тут еще вот что важно – сколько на районе правильных ребят осталось.

Их и в мирной-то жизни немного, а уж сейчас...

Ох, ох... Сейчас вся гопота заерзает, и все глотники из щелей ползут! А к ним подлепятся или сделают свои банды подкачанные на тренажерах романтики с белоснежными ручками без мозолей, начитавшиеся фантбоевиков про сталкеров и попаданцев. Вот эти сдуру много крови пролить могут, ведь в компьютерных игрушках у них хорошо получалось! Начнут хапать и делить. Ладно, когда мелкое – забрал типа ларек, и это тебе в самый уровень, грызи. Но ведь лоси адлерские тупо начнут замахиваться на крупное, недаром полиция с армией возле самого большого «Магнита» встали – иначе тут грандиозная бойня случится. Только «Магнит» в Адлере не один, хватает подобного, вот туда олени и потянутся: по большим и средним магазинам всех мастей.

И конечно же, за оружием.

В большие и малые места дислокации подразделений и служб МВД и ФНС, ФСБ и армии. По заветам мудрых писателей резвых БП-книжек олени попробуют добыть в разрешительной

системе и Охотобществе списки охотников, пойдут с топорами по квартирам, гася по пути всех, кто встретится. В общем, похоже, вот такие кровавые рогаые разборы и начались на тихих курортных улицах весеннего Зурбагана. И теперь хлюпающие тупые мозги многих из парно- и непарнокопытных уже лежат на парапетах в ореоле стреляных гильз. Пошла селекция.

Не, я туда не полезу. Пусть севшие усидятся, особо резкие похваляют свинца, умные проявятся, а тупые подсократятся.

Что в это время чувствует оставшееся мирное население? Да мне пофиг, ибо не собираюсь мыслить и действовать политически глобально. Это не моя война, и спасать за просто так я никого не намерен, на хрена такие напруги? Дали тебе район, Гарик? Вот, присматривай да прикармливай. Кого? Хороший вопрос. Своих сначала определить нужно.

Закурив, я с неудовольствием отметил собственный лингвистический откат. Проклятие, опять даже в мыслях срываюсь на блатное! Только вроде привык говорить по-людски! А вот как пошла такая раскладка, сразу и полезло давно привычное, пропади бы... Впрочем, сейчас и многие пальцегнутые филологи на короткие и образные обороты перейдут – время такое. Бодрое.

Выстрелы стихли. Чувствую, настала очередь больших зеленых мух.

Интересно, через сколько минут сюда соседские девы заявятся? Думаю, напуганные барышни объявятся минут через десять, не больше...

Я ошибся.

Они пришли через три. Две минус – две плюс.

Девчата явились, таща за собой яркие курортные чемоданы на колесиках, дребезжащие по гальке набережной – асфальта тут маловато, все отели облагораживают лишь площадку перед входом, организовывая собственную автостоянку и красиво укладывая брусчатку, рядом высаживают пальмы. А вот местные коммунальные власти ничуть не торопятся свежей асфальтовой лентой связать заплатки воедино. И в этом еще один парадокс постолимпийского Адлера – дикая деньги ушли по разным маршрутам, а цельной картинкой так и не получилось, супер-курорт не сложился.

Я за забором стоял, возле джипа, когда они подвалили.

– Драсьте!

– Нам сказали, что вы тут теперь главный.

– Типа того, – легко согласился я и замолчал.

Таких я называю «черные селедки», даже если они одеты в другие цвета. Все они черное любят, для пущей стройности, что ли. Обязательно без детей и мужей – никого и ничего нет, один возраст и глупые мечты. Для облегчения визуальной идентификации подсвечу сей типаж так: «Секс в большом городе: пять лет спустя».

Искусственно худые, даже жилистые – особенно сие заметно по икрам и щиколоткам, ибо не жрут ничего путного. По жизни – вечный перекус да фабричные салатики, выдаваемые за ресторанные, через что у них наличествует вечная язва, во всех смыслах. Замуж вроде бы хотят, но только за богатого и знаменитого, делая между тем все, чтобы такового счастья не случилось. Фоновый тусняк вечеринок и презентаций, несчастные бабы, если говорить прямо. Но жизнестойкость и адаптивность у «сельдей» отменные.

Я молчу, и они молчат, все растерялись немножко.

– А мы Вика, – кивнув, сообщила светленькая, – и Лика.

Темненькая Лика полуигриво присела.

– А я Гарик Енисейский. То есть, Игорь Викторович Залетин.

– Уважаемый Гарик, разрешите нам тут остаться! – рубанула Вика. – Мы из «Эльвиры», и там...

– Страшно! – подхватила подруга.

– Ночью кто-то ходил по крыше соседнего дома, – сообщила беленькая.

– И темно вокруг.

– И большая собака бегала...

Представляю, как их в темноте прошивало. Ничего нового, именно так и должно быть. Что ж, начинаем обрастать ценными кадрами. А что вы смеетесь? Уверены на все сто, что Гарику сейчас больше всего резкие боевики нужны, а не послушные работники дворового хозяйства? Нормально.

А беглянки продолжали:

– Знаете, Игорь, ранним утром мы видели, как на том берегу какие-то армяне убивали русского! Били его ногами, все втроем, пока не перестал двигаться, потом уволокли в кусты. Наверное, он там так и лежит...

Хм, а ведь точно, я как-то и не заострил, что ребята были кавказской крови. Удивляться не надо, девоньки, этого следует ожидать. А как им, выжившим, прикажете реагировать на события? На кого думать, кто тут враг, кто их травит? Вы бы на кого вызверились? И тут уже не оперирование категориями «русский» – «нерусский». Тут трижды по триста забытое: «белый» – «черный». Охренеть...

И еще. Значит, Ульянов был прав, Средство действует порой непредсказуемо.

Отставить рефлексии, Гарик, сейчас думай о другом.

– Это все ваши вещи?

– Что вы! Там немножечко осталось, но ведь мы пока и с этим можем...

– Что можем-то? Никакой необходимости в вашей аскезе нет, – блеснул я. – Заберем все! Девки восхищенно переглянулись – во, какой умный им достался! А то.

– Принимаетесь в штат банды, татуировки сделаем позже. Теперь слушайте меня внимательно. Чумоданы сейчас тяните на ресепшен, там и оставляйте. И сразу шагом марш назад.

Они опять переглянулись, теперь уже растерянно, глаза заблестели.

– Ставлю тактическую задачу: берете там или здесь садовую тележку и тащите сюда все продукты питания из своего отеля, какие только найдете. По-женски так, по хозяйски, до крупиночки! Весь хозбыт и сангигиену годную тоже, напитки, курево. Остальное позже. Понятно?

Ожили! Но им боязно, отчаянно боязно. И это неправильно, стая должна верить в своего Акелу.

– Ничего и никого не бояться, бойцы, вы теперь под крышей! – рявкнул я.

Обе вздрогнули.

– Сам буду на улице, подшаманю тут кой-че, проверю, а заодно понаблюдаю за местностью. Прикрою, не сикаем. Так что давайте без дрожи, дамочки, надо будет, подскочу мигом и быстро-быстро порву любого. – Я значительно повел плечами, поиграл мышцей.

Лица девчат просветлели, расслабились. А как же! Как выяснилось, Акела вполне себе силен, отважно сидит на скале, стая внизу спокойно шевелится, закон джунглей стабилен и надежен. Злые и подлые шакалы, как им и положено, курят бамбук. А то, что у шакалов имеются стволы и их до бениной матери, этого стае знать пока не положено.

– В коллективе все будет хорошо, если вы будете точно и в срок выполнять все мои распоряжения и пожелания.

И опять скоротечный обмен значительными взглядами, теперь уже вполне игривый – они все поняли, готовы выполнять, и, похоже, прямо тут.

– Во время поисков и сбора продуктов стоит обращать внимание на все другое толковое, постарайтесь сами сообразить, что это такое. Генераторы, топливо в этом разряде. Вы откуда родом, девчата?

– Из Иркутска! – почти хором ответили они.

Я пару-тройку раз слышал про Иркутск, среди прочего, что это – «город русского недо-траха», без пояснений, а вот уточнить это определение все как-то не получалось. Однако нашелся, скажем так, коллега, который меня и проконсультировал:

– Знаешь, Гарик, в советское время на шестьсот тысяч населения в Иркутске было двадцать институтов и «сто тыщ студентов и студенток». Только в университете и политехе по двадцать тысяч студентов и по сотне докторов и кандидатов в каждом. Кроме того, в Иркутске работал единственный в России, а может, и во всем мире лимнологический – по проблематике озер, в частности Байкала, – институт. А еще «мед», «пед», «иняз», «химичка», «культур-мульти», «худпросвет»... И на весь этот курятник всего два военных училища. Да и то, одно из них чуть ли не гражданской авиации, курсанты которых явно не справлялись с выпавшими на их долю тяготами и лишениями воинской службы. Сейчас студенток там еще больше стало, все Прибайкалье туда всасывается. А вот военных, высоких-здоровенных, наоборот, все меньше. На этом фоне знаменитое Иваново со своими ткачихами очень среднего образования до кондиции Иркутска явно недотягивает. Вот уж где действительно «город ядреных сибирских невест», а не задрипанная подмосковная деревушка!

К чему бы я это, в данном случае?..

– Хорошо, землячки, будем считать, что с дикой природой вы знакомы, а потому сообщите, что может понадобиться. Шагом марш, как обещал, прикрываю.

Отправив подчиненных на работу, носящую сейчас более воспитательный, нежели практический характер, я занялся джипом. Открыл с пульта, распахнул все двери, поднял капот. Что имеем в потрохах? Ага, версия с дизельным двигателем – 1,9-литровый турбированный «реношка». Кондишен, бортовой компьютер, добрая резина, багажник, все дела. Надеяться на радиийность машины было бы наивно. А что с жидкостями? Тормозухи подлить бы надо и вниз глянуть – шланги целы?

Пока ковырялся, девчата уже притащили первую пайку. С сюрпризом.

– Гарик, мы пистолет нашли! У хозяина в тумбочке был, в кабинете, ключ нашли! И пули, – метров за десять до меня прокричала Вика.

– Какой пистолет? – Я сразу сделал стойку, сами понимаете.

– Черный!

Неужели правду говорят мудрые люди, что если сильно думать, то оно сбывается? Но в тумбочке... Понятно. Вытащив из протянутой кордуровой кобуры пистолет Токарева, я быстро осмотрел – так и есть, «травматик». Две маленькие пачки по десять патронов. Магазинов два, один полный. Видать, я плохо думал, мало и лениво. Суррогатно мыслил. Но сейчас и это в ништяк. Повесил я на пояс очередную единицу оружия – мля, морской котик! Вытащив ствол, один раз выстрелил в стену – работает шпалер.

– Молодцы, принцессы! – искренне похвалил я своих сталкерш. – Хорошо у вас с тумбочками выходит, смотрите еще! Там у него масло и инструмент должны быть для чистки, проверьте.

Косяк поплыл обратно. А я сходил в сарай за тормозной жидкостью, долил, завел двигатель, посидел, регулируя сиденье и руль по наклону, посмотрел в зеркала – побаловался кнопками, поправил. Послушал, как поет двигатель. Непривычный для модели звук, «тракторный». А топлива-то меньше четверти бака, почти на пределе, вопрос заправки заостряется... В багажнике канистр не оказалось.

Два колеса с правой стороны были подпущены, это разгильдяйство или травят? Найдя электронасос, подкачал. Годится, теперь можно ехать. Медленно выкатившись с площадки, я повернул направо, к добытчицам. Самой главной находкой во дворе мини-отеля с уникальным названием «Эльвира» оказался автоприцеп к старенькой «пятерке» без двигателя. Поэтому с продуктами мы управились за две ходки. И пока, пожалуй, хватит, пора новости смотреть.

Я включил большой телевизор в ресторане. Во-первых, смотреть удобно. Во-вторых, обзор тут хороший, большие стеклянные окна выходят на две стороны двора отеля, видно и Мзымту с пешеходным мостом, и противоположный берег.

Ну, телевизионщики, отождите-ка.

Не отождели, получилось соплежуйство.

Ну, по традиции поведения всех местных каналов страны в «самых важных случаях», просвещение народных мозгов поручили самой надежной работнице информационного цеха – мини-командирше категории «давно без опыта, но в кресле». Та пошла жевать да сусолить, дикция – атас, «прича» – полный аут, взрыв хлопушки в банке с червяками. Камеру ловит плохо, а от бумаги оторваться ей трудно.

Я слушал и балдел.

– ...зафиксировано нападение с использованием генетического, или генного, оружия...

Вот гениально! Никакого вам «братья и сестры», тупо зафиксировано у них. Больше, кстати, ничего не зафиксировано. Кто применяет, почему применяет и с какой целью – тишина, пока не говорит. А ведь это главное.

– ...неопознанные летающие объекты опознать не удалось...

Вот что тут сказать? А что вам удалось?

– ...вынуждены были вернуться на базу, потеряв одну боевую машину, причины крушения уточняются...

Но «тарелку»-то хоть одну сбили? Молчат, суки.

– ...становится очевидным, что данное оружие не было направлено против лиц кавказской национальности и целого ряда других этнических групп нашей страны, первоначальной мишенью стали страны Ближнего и Среднего Востока...

Ну, вот. Тут пошел более или менее продуктивный рассказ. И следовало из него, скажу я вам, страшное. Не знаю, насколько я прав, но, похоже, к югу от Адлера и до самой Антарктиды начинаются Мертвые Земли. Про Африку и Израиль ведущая ничего не сказала, что неудивительно, сейчас общемировая кровавая каша кипит пузырями – подойти невозможно.

– ...поэтому Штаб призывает всех сохранять спокойствие...

Я сидел, слушал и ждал, скажет ли она фразу «во избежание паники среди населения», то есть старался понять, окончательная ли она дура, вместе с шефами, или есть надежда?

– ...во избежание паники среди населения...

Грохнув кулаком по столу, я подбежал к бару, вытащил бутылку самого крутого вискаря и налил себе на три пальца. Так умирают надежды. Какого населения?! Какая паника, дур-ра?! Вы там понимаете вообще, сколько народу осталось?!

– ...правительства пока категорически отрицают факты использования подобных видов оружия со своей стороны. Однако эксперты указывают на несомненность применения такового минимум шестью ведущими странами, и список расширяется...

И как тут не пить!

– ...два часа назад были зафиксированы первые случаи применения генетического оружия против европейских стран...

Ну, пошла жара! Замес по всем группировкам.

Потом она рассказала про МЧС, про закрытую границу с Абхазией, про карантин района и закрытый перевал за Дагомысом. Как выяснилось, там все не просто.

– ...три ракетных катера и сторожевой корабль грузинских ВМФ. В ходе скоротечного боя с корветом ВМФ России, поддерживаемого береговой батареей, возникли разрушения гражданских объектов и объектов инфраструктуры...

Какая береговая батарея, наши что, на перевал пару танков загнали? Что же там творилось, если, например, они обрушили скалу на дорогу? И почему именно там ударили? Хотели отсечь территорию? И что за мышьяная возня шла перед самым началом? Тут началось стандартное «бла-бла-бла», и за тридцать секунд мне сообщили, что сотовая связь барахлит, Интернет так же мертв, а повтор с уточнениями будет через шесть часов. После чего передача закончилась, экран поглубел.

За спиной захлюпало, и я удивленно оглянулся. Не привык.

Обе мои красавицы с пакетами в руках и мокрыми носами стояли столбами и ошалело смотрели на стену, к которой была пришпилена «плазма».

– Сопли втяните, биксы! – невежливо прорычал я, сразу отметив про себя, что зря. – Рано ныть... Ладно. Продолжайте работу, еще уточнять будем, что там и как варится. И это... Теперь поняли, девочки, что нам важно все делать быстро и четко? Разрешаю злиться, немного плакать, рассказывать по ходу анекдоты и пить пиво. Но работу, девочки, надо продолжать.

Лица кивнула первой. И пошли они на кухню, считать да прятать добытое.

Я же не смог успокоиться. Где пульта, куда кинул?

Оказалось, что многие спутниковые каналы вполне себе дышат! Большинство по инерции гнали глупое, но те, кому положено, уже всю включились в разборы. Дошел до ТБК, я остановился. Пятеро экспертов с усталыми нервными лицами тему терли, видать, с утра, постепенно обрастая новой информацией, острыми мыслями и гениальными догадками. Судя по количеству окурков в пепельницах и чашкам кофе на столе, сидят они тут практически без перерыва. То, что нужно, ща напитаемся.

Здесь я еще кое-что узнал. Оказывается, активная фаза этой рубиловки вызревала давно, по крайней мере, именно так они утверждали. Соответственно, волна поднималась периодически.

О создании биологической «вундервафли», способной заменить списанное ядерное оружие, в своей предвыборной речи упомянул президент, когда избирался на крайний срок, помню ту байду... Правда, сказал он тогда весьма общенько, скользом: «Большое, если не решающее, значение в определении характера вооруженной борьбы будут иметь военные возможности стран в космическом пространстве. А в более отдаленной перспективе – создание оружия на новых физических принципах: лучевого, геофизического, волнового, генного, психофизического».

Тогда, помню, сильно возбудились грузинские соседи, с их стороны пошел вал предъяв и статей по теме. Наши политики гниловато лыбились, типа из текста статьи вытекало, что президент и его научконсультанты имели в виду лишь то, что такие типы вооружений в будущем дадут перца всем. Но о том, что РФ намерена разрабатывать генное оружие, в статье не было ни слова.

Эксперты же припомнили, что армейское руководство статью лидера восприняло серьезно и взяло под козырек: «Мы детально и всесторонне проработали вашу статью и подготовили план реализации тех задач, которые там были поставлены перед Министерством обороны», – заявил тогда министр на каком-то профильном сходняке. Тот ничего не комментировал, но западники молчание будущего президента расценили как одобрение предложений министра. Начался срач, так, в «Foreign Policy» заныли, что Москва шагнула в разработках слишком уж далеко, а ведь «в декабре минувшего года Россия на конференции по безопасности в Женеве уверяла, что «полностью выполняет все взятые на себя обязательства» и «не разрабатывает, не производит, не накапливает» биологическое или токсинное оружие». Мы, соответственно, через некоторое время тоже начали «отмечать попытки разработки и совершенствования генетического оружия нового поколения в целом ряде развитых стран».

Спорящие говорили сложно, заумно, применяя так нужные сейчас народу выражения типа «синтетический биологический экстра-агент» и «некий материальный модуль боевой информационной системы» и, увлекшись научной стороной вопроса, плевать хотели на зрителя в принципе.

Потом эксперты устали (судя по порой ненормативной лексике и выражению рож) и в который уже раз громко, но лениво прошлись по договоренностям четырехлетней давности об общемировом сокращении ядерных арсеналов, поэтапного и полного отказа от ядерного оружия всеми странами, имеющими таковое.

Я тогда не особо следил за этими маклями, не до того было Гарику, но о Базельском договоре, или Базельских инициативах, как о «новой вехе эпохального значения», слышал не раз. Даже помню, как с приходом нового президента – надежи всего демократического, чем только у нас в мире имеется, пошло полное одобрение «ядерного отказа». Хотя, признаюсь, политикой не парился и не парюсь по сей день, может, и зря.

Сидя в прокуренной, не по уставу, студии, эти умные сволочные эксперты, в те годы, скорее всего, вполне демократически яростно отстаивавшие обратное, сейчас утверждали, что именно тогда и произошел тайный, но массовый «генный форсаж» в разработках Средства, адекватно замещающего ядерное оружие, которое подлежало уничтожению согласно графикам Базеля.

И теперь – получите все! Вот и получили.

На закуску мне показали куски нашего президента, в смысле, фрагменты какой-то злободневной речи, как видеоиллюстрацию, поясняющую доводы спорящих в студии. Пребывавший в приподнятом состоянии духа Командир Страны, выйдя в центр сцены какого-то конференц-зала и совершив там несколько танцевальных па с микрофоном, всюду убеждал сограждан, что Россия к этому безобразию не имеет никакого отношения. А эксперты с предсмертным удовольствием отмечали значительность нового феномена: генетическое оружие таково, что признаться в его применении не посмеет никто, вплоть до момента полной и окончательной победы, если такое возможно. То есть правду хрен сыщешь.

Зашибца! Отказавшись от ядерной бомбы, мы придумали шнягу еще круче! Настолько бесчеловечную, что и признаться в ее применении невозможно.

Признаюсь, теперь меня не особо-то прорубало месилово в студии. Я больше оценивал поведение президента, базлающего фоном. Многое что не нравилось мне крайними часами.

Но президент мне не понравился больше всего. Я смотрел на его глаза.

Видели же, что там, как, бывало, коленки трясутся – у вас или противника – перед дракой. Тут обольщаться не стоит, это просто адреналин гоняет мышцы, греет перед действием. Они и у самого крутого пацана могут трястись, потому ошибиться легко – в таком состоянии и олень так намахнуть может, что челюсть с зацепов слетает. Поэтому столь явные внешние признаки побоку, я всегда в глаза смотрю, там правда.

В глазах показушно бойкого президента Российской Федерации был страх.

Обыкновенный животный страх, который не скрыть никаким аутотренингом и консультациями спецов. Страх не за Державу, не за общак и всю братву – за себя лично. Он боится умереть!

Боится Средства. Амба, не родной он нам, скурвился, слабенький.

Вот ведь как карусель повернулась. Не лошадкой доброй, а козлом реальным.

Тут и ТБК навернулся, по экрану пошли квадраты, уродуя в заморозке лица в студии. Баста, отсмотрелись, похоже. Но музыкальные каналы кукарекали, разряженная петушня кривлялась в клипах. Может, починят остальные?

– Гарик!

Я обернулся.

– А мы готовы показать запасы, – горделиво заявила Лика.

Ох... Отвернулся, покачал головой, стряхивая ненужный сейчас псих. Подышал глубоко, не оборачиваясь, знаю, какая у меня сейчас рожа. И, уже почти полностью переключаясь на реал, встал из-за стола:

– Пошли.

Припас они разложили грамотно, аккуратно. Как и сказал: по-хозяйски. Ну-ка...

Более всего меня порадовали и удивили различные мясные заморозки – приличное количество, поди, оптом люди брали, да в тихий сезон, когда цены молоды. Почему порадовали – очевидно. Но и удивили! Я-то, по наивности своей, до сего момента свято верил, что повара

ресторанов, даже среднего уровня, получив заказ клиента, тут же начинают те котлеты стряпать. Пусть из готового фарша, но сами! Как оказалось – дурень ты, Гарик, деревенский, а не ресторанный гурман. Все котлеты берутся из ярких картонных коробочек. Мне даже показалось, что вообще все «горячее» берется из коробочек – столько их тут было.

Так умирают иллюзии.

Резюмирую – хорошо у нас с продуктами, неплохой ассортимент, и крупы, и мука, и сахар, все есть. Вроде масла маловато. И с рыбой кисло, а я рыбу люблю. А вот с напитками, начиная от кофе и заканчивая коньяком, полный порядок. Короче, это только начало, копим дальше, холодильники еще не забиты.

Жить можно, поднимай вовремя холку, и вывернешься.

Вот только... Топливо, топливо, топливо... Ты же не считаешь, Гарик, на эфирные космические энергии и не думаешь, что электричество будет бежать к тебе вечно, так ведь, Смотритель?

– Вечером закатываем банкет, девоньки, – уверенно и удовлетворенно объявил я. – В пределах разумного разврата, в смысле, пока не расслабляемся, время сейчас лихое, как говорили в Гражданскую.

Но радость на их лицах тут же сменилась тревогой.

– Игорь Викторович, там машина, на той стороне...

Я посмотрел за Мзымту. Точно, машина, к мосту подкатил серебристый «Санта Фе». Из салона неторопливо выпали трое, огляделись, медленно взошли на пешеходный мост.

– Ну вот, – задумчиво сказал я. – У нас первые гости. Пойду встречу. Можете не накрывать, не понадобится.

– А как же кофе? – спросила Лика. А глаза-то напуганные...

– Не надо, бодрый.

И вышел на набережную.

Глава 3

Первые внешние контакты, новые люди, новые сведения. Но реалии все еще непонятны

Я их ждал возле машины, к мосту подъехал на джипе, и не потому, что так солидно – просто непонятны последствия, так что пусть колеса рядом постоят.

Это были армяне – очень плохой случай.

А какой бы ты предпочел? Нет пригодных вариантов в обзоре, сейчас все в ярости, так что будем работать. Заметив меня, пришельцы притормозили, у двустороннего схода вообще встали колом и уже там шумно, но для меня непонятно, посоветовались. Варианта у них было два: свернуть влево, по набережной к морю, типа меня тут и нет, или направо, спуститься ко мне. С горки волк всегда маленьким кажется, и они пошли направо.

Волк оказался больше и страшней, чем им казалось сверху.

А вы что думали? Гарик такой. Я когда под танк прыгаю, от танков болты летят.

К этнографам точно себя не отношу, хотя некоторые народы отличаю и что-то в кавказском облике понимаю. Эти, пожалуй, полукровки, потому и выжили. Один постарше будет, он в главарях, лет под пятьдесят, двое молодых, «задвадцатники». Руки пришельцев были заняты нужным и полезным: у старшего – телескопическая дубинка, у младших – бейсбольные биты.

Прикидываете перспективы? Вот ведь что «генка» сделала, сразу покровы содрала и рамки опрокинула. Твори, что хочу, так им думается. Закон как бы умер, враги ведь вроде ясны... И я, при всех раскладах, есть для них явный враг, да и добыча заодно. Или ошибаюсь, и все не так кисло? Ладно, попробуем базарить, без этого все равно не обойдется, точнее, почти никогда не обходится.

– Русский? – издалека крикнул старший.

Эх, жизнь ты тяжкая, не будет, чую, у нас долгих разговоров.

– А ты негр? – крикнул я в ответ и, пользуясь тем временем, которое им понадобилось на возмущенный глубокий вздох, продолжил: – Сразу рубиться начнем или таки поговорим минуту? Давай без заводных ключей, раз такие готовые попались, умереть успеете.

Мне показалось, что старший задумался, что-то его зацепило.

А вот молодежь тупо рвалась в бой.

– О чем с тобой говорить, русак? Отвечать будешь!

Смотрим. Старший чего-то выжидает. Ага! Вроде умный, не хочет мужик лютой драки, понимает всю знакопеременность судьбоносных решений Госпожи Удачи и вроде осознает: не с того они заход начали.

Но выжидает – вдруг у мальцов получится? Зачем он так, ведь поживший человек...

– Да отвечу, отвечу. Как смогу. Предлагаю так: бьемся чистыми руками, вас трое, я один. Потом вы перевязываетесь, умываетесь, заштопываетесь и базарим дальше. Покатит? Вы же не успели крепко замазаться?

– Шестым посчитаем, – ухмыльнулся самый младший.

Плохо, они уже пролили кровь. Ох как это плохо, мальчики... Или врет для гонора?

Я ведь все понимаю, вы считаете, что это мы вас травили, да? Что белые дождались своего часа – типа до того его не было, ха-ха! Что мы свели какие-то там «кавказские» счета и решили проблему. Все понимаю, у меня даже злости нет. Я вот только тупость человеческую не понимаю и никогда не понимал. А вы-то понимаете, Воины Света и Справедливой Мести, сколько всего людей осталось?!

Нет тут теперь обилия национальностей, есть всего одна: «оставшиеся».

Можно было разойтись, можно было после драки посопливить на общую беду, если бы не этот «шестой»... Как такой базар спустить. Если не врут, то порог пройден, распробовали щенки вкус крови, того и гляди, в волков превратятся. Плохо. Впрочем, еще раз попробую:

– Где-то там, за вашей и моей спиной, сидит настоящий враг, парни. Его бы встречать надо, гасить надо, всем вместе... Но вы, как тупые псы, выбрали самое легкое – режете соседей. Значит, вам нужно умереть от зубов волка, и я уже тут. Передумаете, не?

– Дядя Ной, не слушай его!

Да не дергайтесь, дурачье! Но младший уже чуть выпрыгнул вперед, зазывая в бой брата или друга.

– Вали его, Гарник! Пусть русак заплатит своей...

Договорить он не успел, я с силой кинул свою красную фомку. Точнее, швырнул со средней силой, но и так сойдет: уже не важно, каким концом снаряд угодит в живую мишень, до которой и было-то всего ничего, метров пять. Тук! – ах ты, какой глухой звук вышел!

Красная молния влетела в грудь самому отважному и глупому, ударив торцом обрезиненной ручки и заставив его резко сжаться бубликом – боец с гортанным выдохом упал на щебенку. Повезло тебе пока, лежи.

– Аразат!! – отчаянно заорал Гарник и бросился на меня. С битой.

Бита только в кино вещь простая и суперубойная. Это не меч и не лом, но инерция адская, «обманку» не покажешь, уж если бить, то как Голливуд учит, с присядом и проворотом, устойчиво. И кто у вас так умеет, скажите? Если бейсбол до сих пор есть тайна за семью печатями.

Так что от первого яростного удара этой оглоблей ты всегда увернешься, если умный, и уже принял решение драться, а не подпрыгиваешь на цырлах с вытянутыми вперед руками, наивно стараясь успокоить нападающего. Я увернулся легко и тут же зарядил вдогон урамаша. Никто не знает, сколько весит нижняя конечность Гарика, не взвешивали, но таким ударом я могу березку сломать. Здесь же немного не достал, да и не вложился – уж больно резко легкий пацан подался за снарядом. Но этого вполне хватило, чтобы он с разгона вцепился в парашют набережной. Ох и больно же, наверное.

Оставался третий.

Контролируя его боковым зрением, я успел оценить и динамику выздоровления падших: плохая у них динамика, первенец все еще гнулся на земле от боли. И тут же из-за спины перебросил по ремню кинжал левой, а правой подхватил, выхватил, сразу занося его для рубящего удара.

– Стой, русский! Стой...

Они родственники, по глазам понял.

Сработало! Сердце бешено колотилось.

Старший замер: смотрел на меня круглыми глазами, модная телескопическая дубинка висела у ноги. Нет, не на меня он смотрел – на каму.

Удивитесь, но самое главное свойство любого холодного оружия в наше время – это сила психологического воздействия.

Фактор и раньше рулил, но теперь, в обществе мягких, пухлых и отвыкших от натуралистики кровавых зрелищ людей, он победно парит над полем боя. Вид клинка должен парализовать волю еще до первого удара. Оцените свой деловой или тумбочный ножичек именно с этой точки зрения, и вы поймете, почему в выборе фигурировал именно «выкидной», да с правильным клацем, зачем мастером выпилены «шоковые зубья» да «кровостоки», когда нужны бабочки-балисонги с их пугающим танцем раскрытия... Вся эта сценка призвана разбудить мгновенную страшную фантазию, заставляя противника ясно представить последствия удара и ужаснуться.

Есть такой мастер-дизайнер, Джил Хиббен. Ножики страшные придумывает да ваяет, в том числе для кинематографа, от боевиков до фэнтези. Именно его живопыры представ-

лены в фильме «Неудержимые», в «Рэмбах» и много еще где. Бестолковые по сути, но смотреть на них страшно. Все его ножи, особенно фэнтези-модели, безжалостно передранные тысячами художников, этим свойством обладают. Даже эстетически выверенный знаменитый Double Shadow Dagger, который многие считают самым красивым ножом на планете, явственно дышит художественной смертью. Два узких блестящих клинка в виде двузубой вилки с небольшой перемычкой для жесткости...

У кавказского кинжала нужный облик сложился исторически, без всяких там «хиббе-нов», он страшен наследственно.

– Подожди, они тебе наврали!

Я не смог сразу спрятать кинжал, одной рукой попадать в ножны не умею. А в вытянутой левой держал «тошку», направив пистолет в лоб старшему.

– Зря наврали, – заметил я, облизнув губы. – Плохо щенков учишь, аксакал.

И убрал, наконец, каму в ножны, кончен бой. Двое бойцов сидели на земле рядом, подставляя под тяжелым взглядом Ноя.

– Уважаемый, – с трудом заставил себя вымолвить тот, – не убивай их!

– Да? – делано удивился я. – Медали им дать? Стой, не шевелись!

– Прошу... Ты под кем, уважаемый?

– Не с этого нужно начинать, – невесело усмехнулся я в ответ. – А поздороваться, представиться, глядишь, и без зеленки обошлось бы. Да под кем надо, под тем и стою, не твоя масть. Я Гарик Енисейский, так и зовите. Смотритель первого Заречного участка, при ксиве и полномочиях.

Ной поднял голову к серому небу и шумно вздохнул, словно вспоминая, как и насчет чего он инструктировал перед выходом своих горячих барбосов.

– Так себе полномочия, сразу скажу, – к месту вспомнились мне слова спасателя Ульянова. – Неопределенные... Поэтому я их сам себе добираю до необходимого уровня. И еще возьму трижды.

Вытащив документ, я попытался одной рукой лихо развернуть красные пухлые корочки, но получилось очень плохо, нет опыта. Потренироваться, что ли? Это не западло будет? Или нормально? Умней, Гарик, умней!

– Лады, теперь забирай своих и валите, – внимательно оглядев пострадавших, заключил я. – Телескоп и ножи сложить здесь. На мой мост больше ни ногой. Хоть на ступеньку подниметесь... Лучше сразу сами в Мзымту прыгайте.

Придерживая друг друга, троица пошла к лестнице, ведущей на мост.

– Биты свои заберите! Мне гопотное не надо.

Они остановились, вернее, это старший остановил всех. Ной обернулся, еще раз посмотрел на небо и спросил:

– К себе нас возьмешь, уважаемый? Если семьями, со стариками и детьми придем? Встанем честно, без обмана. С ума мы все сошли.

– Твои дети? – указал я на побитых.

– Мои, сыновья, нас немного осталось, – зло сплюнул он. – Этих научу.

– Что, совсем там плохо? – глянув в сторону центра, спросил я.

– Беспредел там полный, – тут же с готовностью влез Аразат, кривясь и массируя плечо.

– Молчи, щенок, когда старшие говорят, джигит сраный, разве не понял еще?! – Ной резко двинул болтуну по затылку. – Мало тебе?

На Кавказе в таких делах джигиты часто врут. Никого они не убили. А вот от всего произошедшего точно трехнулись, пока урок у моста не вправил мозги на место.

– Ништяк, приходите к «Орхидее», – согласился я и показал рукой на место ставки. – Подчинение полное, для выхода дури морды друг другу набейте. Вечером, но не ночью. Кстати, а что на машине не подъехали, через автостоп?

– Там выездной патруль полицейский бывает, они к мосту со стороны «Магнита» катаются, лучше не соваться, тормозят всех. Собирались блокпост поставить, может, уже и сделали.

Смотри-ка, прикрывают соседи! Ной кивнул, махнул рукой парням – пошли, мол.

– Езжайте мостом. Съезжу, предупрежу их, что вы подкатите, – пообещал я. Все равно на заправку надо. – На этой же машине?

– Молодые пешком пойдут, здесь же, – ответил армянин, отвешивая шикарный поджопник замешкавшемуся на ступенях младшему. – Шевелись, раненый! Остальных я на «Санте» повезу.

– Добро. Окончательно – в девятнадцать часов, и чтоб не виляли! Накажу.

Он кивнул, но остался стоять. Что еще?

– И последнее, Гарик... Ответь для полного понимания, ты как, – тут он замялся, – себя тут ставить будешь или мир строить?

Красиво излагает... Ишь, вопросы-то какие философские.

– Хрен знает. Себя давно поставил, а строить... Вот строить не пробовал, – легко признался я. – Может, чего и построим, если в первые дни выживем.

На реке моя знакомая цапля-француженка ловко вкинула в себя очередную лягушку, вернулась на галечную отмель и, заметив меня, одобрительно кивнула.

Знак.

Удивились, что я их возьму? А это – Кавказ. Здесь люди идут к сильному. А встав с ним рядом, стоят дальше намертво, чтобы не потерять лицо, тут это очень много весит.

Я не поленился, посмотрел, как они ковыляют по мосту над бурлящей рекой, дождался посадки разведгруппы в авто, проследил за тем, как кроссовер скрывается за деревьями пустого парка, и только тогда жадно закурил. Нормальный ход, ситуация разрешилась гораздо лучше, чем я мог предполагать, без крови. Валить мне никого не хотелось, а это что – меняется прошивка в голове? Прислушался сам к себе. Да нет, не особо щелкает, готов замочить, если дело потребует.

Надо же, гадское Генетическое Средство оказалось штукой весьма многофункциональной! Еще и основные функции этого оружия непонятны, а вторичные уже работают, торопятся, стараются, с разной степенью успешности превращая людей в скотов. И у таких уже исчезла вера в существование любых общих принципов и законов, исчезло доверие к человеку, они уже не в состоянии различить истину и ложь, да и, собственно, извечные моральные категории подверглись тотальной ревизии. Минует ли меня такое испытание? Черт его знает.

Чего-то хочется.

Ага! Вспомнив про кофемашину и уютные столики ресторана «Орхидеи», я поднял свой «томагавк», сел в авто, но дверь закрыть не успел. Потому что у меня сегодня кадровый день. Прием на работу, так сказать.

– Ма-аладой человек!

«Не, эта дамочка не из моего батальона», – машинально отметил я.

Ко мне спешила женщина лет тридцати с неизменным «самобеглым» чемоданом за спиной. Короткая деловая стрижка, неопределенная серо-серебристая краска волос. И костюм серый. Дорогой, тоже деловой. Столичная штучка.

– Ма-аладой человек! Да, да! Я к вам обращаюсь! Вы ведь Игорь? – Одышка, вызванная быстрой ходьбой с грузом, ничуть не помешала ей начать эмоциональный выплеск метров за двадцать до меня. – Знаете, ведь мне девочки из Спасцентра такого понарасказывали, это же просто ужас из глубин Галактики! НЛЮ, какое-то тайное оружие, классический апокалипсис... В общем, я к вам! Уф!

Точно, кадровый день.

– И мне очень страшно!

Что мне было делать? Я кивнул.

– Добрый день, меня зовут Линна Литке, – с характерной манерностью представилась дамочка. – Из Москвы, здесь нахожусь в творческом, черт возьми, отпуске... Не замужем, не судима, не привлекалась. Хватит?

Опять тупо кивнул – чумовой персонаж!

Тут запас выдержки иссяк, и ее прорвало окончательно. Она торопливо начала рассказывать, так же поспешно вытирая появляющиеся слезы, как на ее глазах умер администратор гостиницы, в которой она жила, как прямо на улице свалился единственный сосед-отдыхающий из Астрахани. Как она смотрела телевизор и как говорила с оператором ЦУКС, а потом и с Ульяновым, как грузили трупы, как звонила друзьям в Москву, по времени попав точно в момент первого удара по столице генным оружием, направленным уже против русских. Как слушала страшные рассказы.

Утешать? Вряд ли это действенно. Тут всех утешать нужно.

– Простите, – всхлипнула Линна в последний раз и спрятала платок. – Я уже почти спокойна, все передумала. Уже хотела захватывать приличный внедорожный автомобиль, найти какое-нибудь оружие и самостоятельно прорываться в Москву! Представляете?!

– Линна... это как будет, если полное имя? – осторожно уточнил я.

Ничего себе заряжает дамочка! Машина, оружие... Точно, не с нашего батальона. Но лишней такая не будет.

– Лидия Аркадьевна Ковтун, – быстро отмахнулась москвичка. – Это неважно.

– Простите, а Линна – это погоняло, или...

– Ой, ну конечно же, господи! Это мой псевдоним, как же иначе! – Она откровенно расстроилась моей провинциальной непонятливости. – Я ведь известный литературный критик! Журнал «Летающая терелка» и еще несколько изданий...

– Ого! – изумился я, вбивая чемодан в багажник. – А я подумал, что из МВД.

Линна хмыкнула, презрительно отмахнувшись.

Почему мне гранатометчиков не шлют? Или электриков хотя бы. Нет, критик, елки. Хотя критик нестандартный. Внедорожный какой-то критик.

Хлопнула задняя дверь.

– Такой видный мужчина! Надеюсь, вы знаете, что делать в такой ситуации.

– А как же. Только что троих чуть не завалил.

– Бывает, – невозмутимо отреагировала она, устраиваясь поудобней.

Ну да, москвичей таким не удивишь.

Косметика дорогая, не потекла. И пользуется ей госпожа Ковтун умело, четко. Как? Я что, стилист? Ну, вроде накрашенная, а в глаза не бросается. Симпатичные серые глаза, кстати. Да и вообще ничего.

А это что жужжит, опять гости пожаловали? На той стороне реки по набережной ехал скутер. Тогда задержимся здесь, понаблюдаем.

– Что критикуете? Остро умные книжки?

– Да вы, смотрю, дока в теме, – усмехнулась Линна. – Не только. Ох, самое разное приходится обрабатывать... А вы читаете?

– Дык. Читаю, и много. Фантастику реально люблю, без байды, – признался я и тут же поправился: – Любил, точнее, когда время находил. Сейчас, наверное, уже не покатит на этом фоне, так что спрячу я книжку до поры.

– Что конкретно, можно поинтересоваться?

– «Песок» Веткина, фантаст такой, не ваш профиль.

– Отнюдь! Мне приходилось препарировать образцы жанра, а в диссертации я даже затрагивала тему конструирования деградирующих миров. С творчеством Веткина неплохо знакома, у вас недурной вкус – автор мастерски работает в поджанре «бытовой фантастики с мистическими ассоциациями», развивая новую линию «жестяных конструкторов» русской литературы.

И, надо сказать, выгодно отличается от многих прочих, обращающихся с авторскими мирами в крайне упрощенном, отчасти автоматизированном ключе и допускающих невероятно высокий уровень фальсификации собственноручно созданной действительности.

– Миры у него четкие, – поддержал я литбеседу. – Нравится мне книжка.

Скутер остановился, ездок поднял бинокль и начал осматривать мой берег. Это кто там такой зоркий у нас?

– Я соглашусь! У большинства авторов постапокалиптические миры лишены глубины, а написание текста отчасти напоминает причудливые узоры, не имеющие смысла, поэтому в них можно увидеть какой угодно смысл. И это накладывается на ужасающее состояние умов пишущих, выражающееся в ущербном комплексе мировосприятия в целом.

– Это точно, иную туфту читать невозможно.

Не слыша меня, филология, подсознательно желающая переключиться из режима кошмара в режим привычно-мирной жизни, азартно продолжила:

– Основные приметы сконструированной Веткиным фантастической яви, а если адресно и точнее – коммунальной реальности романа, это сочетание унылого порядка с абсурдными импровизациями местечковых властей, тотальной предсказуемости жизни за забором с внезапными сбоями механики всего конструкта. Технологическая культура общества в романе находится в стагнации, но процветает метафизика. Ветхость и примитивная механистичность предметного окружения как внешнее проявление процессов разложения этого наскоро сколоченного людьми и подкрашенного магами мира. И предельная ритуализация человеческого общения с регламентацией поведения при кажущейся свободе – отличный прием!

– А герой? – усомнился я. – Он малахольный, не, как думаете?

– Что? Герой органичен, коротко так скажу... Он постоянно совершает деконструкцию собственного «я», но почти не подвержен мировоззренческим катаклизмам, умело сдерживает праздную валентность. Конечно же, ему постоянно помогает сам автор, играя с культурными кодами-знаками и многоуровневой организацией «разнонаправленного размышления»... Ему не чужда философия постмодернизма с потерей смысла как такового, что естественно в условиях функционирования множества хаотических обломков иерархий, и тогда герой принимает размытую нон-иерархию, уже принципиально отказываясь от гармонии социализации. И при всем этом голос героя не растворяется в используемых дискурсах... Он слышен!

Тоже красиво излагает. Только совсем не коротко.

Хозяин скутера наконец-то налюбовался пейзажами Заречья и медленно укатил прочь, теперь и мне можно валить.

– Ну вот, Лидия Аркадьевна, теперь можем ехать.

– Игорь, я вас умоляю...

– Понял, Линна, понял. Тогда, че – домой!

Мне сейчас всякие люди нужны.

Хозяйки бутиков и литкритики, веб-дизайнеры и социологи, сходятся кошачьи парикмахеры и свадебные фотографы. Лишь бы они были живые, подвижные и с четырьмя конечностями. Потому что потребны наблюдатели и дежурные – круглосуточно. Нужны примитивно жадные исследователи близлежащих домов и дворов. А еще есть простой благородный физический труд, это кому угодно поручить можно. К примеру: нужно найти или соорудить место под групповое захоронение, наверняка ведь найдем мертвых по разным дырам...

Пока меня не было на заставе, девчата вычистили и даже начали наполнять водой «чечевицу» дворового бассейна – образцовые хозяйки, люблю. Познакомил их с новенькой, отметив одинаковость молчаливых оценок, данных всеми участниками брифинга, выслушал короткий доклад. Появились новые предложения.

– Гарик, там ведь магазин есть! – объявила Вика, показывая за спину, туда, где на улочке, параллельной набережной, действительно стоял одноэтажный магазинчик, продукты и хозбыт, судя по простенькой вывеске.

– Так он же не работает, его только в мае откроют, – мягко остановил я энтузиазм подчиненных.

– И что? – подбоченившись, бросила Вика.

– Как что? Он же пустой.

– А вот и не пустой! – тут же оспорила она мое предположение. – Конечно, скоропорт и срочку вывезли. А вот продукты длительного хранения могли и оставить в подсобках, их-то че взад-вперед возить?

В словах иркутянки был резон. Магазин наверняка принадлежит хозяину какого-нибудь отеля поблизости, так что торговая точка была под присмотром, эпизодическим или постоянным. Этот чипок вполне мог попутно контролировать и сторож-обходчик, один на несколько объектов.

– Предлагаете бомбить?

– Мы уже и большой лом приготовили! – откликнулись медвежатницы. – И пилу по металлу нашли.

– И два переносных баллончика, за стойкой администратора лежали.

Золотые кадры, хоть трупы таскать, хоть банк брать.

– Что же, включаем стоящее предложение в план работ. Но сейчас – горячий кофе, потом у меня поход на заправку.

Все вместе сели за летний столик, где я объявил о новациях.

Главное: ставим «фишку» – Вика первой наблюдает с балкона, теперь будем по очереди и постоянно следить за прилегающей местностью, по-другому никак. Рассказал им и о предполагаемом вечернем пополнении коллектива, умолчав о некоторых подробностях «встречи у моста». Армян поселил в соседней «таджикской» гостинице, кстати, нужно ее название узнать, раньше-то незачем было. Долго узнавать не пришлось, Вика уже выяснила, что это мини-отель «Парус». Тут вообще названия красивые, курорт... Вот зачем по курорту бить, скоты! Какая тут стратегия?

Перед отъездом я решил отдать «травматик» женщинам – им нужней.

– Кто в руках такое держал?

Иркутянки промолчали, а Линна ответила так:

– Такое не держала, баловство одно. А вот боевые разные пользоваться приходилось.

Ничего себе, заявки из Москвы пошли!

– Это где?

– Практическая стрельба, знаете ли, в столице сейчас очень модное занятие, очень... Prestigious. Общество, одежда пять-одиннадцать, импортное оружие. И за границу часто едешь на соревнования, и люди солидные занимаются. Я ездила, два раза. Весь бомонд тянется.

Вот времена настали, что за перекосы у нас опять – звезды шоу-бизнеса осваивают «практику»! А вот Гарик ни разу не пробовал, хотя много слышал.

– Ну, тогда и держи.

Критиканша сноровисто выщелкнула магазин, скептически глянула на вынутый патрон, интеллигентно хрюкнула, после чего быстро вбила все обратно и спокойно засунула пистоль в кобуру.

– Переоденусь в джинсы.

Как изменились москвичи!

Вскоре я уже выруливал на улицу Станиславского, так и оставшуюся без нормального асфальтового покрытия, огромный поток олимпийских денег сюда не добрался, впитался по дороге. И тут все отели были пусты, гаражи заперты, на земле свежих следов шин нет. По пути мне попались два магазина, тоже заглушенных – а мы их потом проверим, по иркутским заветам! Возле бывшей резиденции ГИБДД по левой стороне, на стене низкого здания без окон, висело свежее объявление:

«Место для групповых и индивидуальных захоронений определено и отведено на территории парка «Южные культуры». При захоронении соблюдать порядок, хаотичное обустройство могил запрещено. Временная администрация».

Высочив на улицу Ленина, я сразу увидел ментовский блокпост и свернул налево.

Диковато такое видеть в Адлере: мешки с песком, ПКМ на сошках и типовой полицейский «УАЗ». Увидев высочившую вверх машину, полицейеры в городском камуфле ничуть не всполошились, ведь джип появился со «своей», безопасной стороны. Но я предусмотрительно подъезжал к ним медленно, высунув в полностью открытую форточку руку с удостоверением. Молодой конопатый старлей, старший блокпоста, перекинув «ксюху», внимательно изучил ксиву и только после этого отдал честь. Я вышел из джипа, поздоровались.

– Гарик Залетин, типа смотритель в законе.

– Степанов. Юра, – обозначился и он. – Говорили мне про тебя, характеризовали... Сначала в голове не мог уложить за такой союз, надо же, менты с урками в связке. Сказали б раньше...

– Раньше бы не сказали. А про «связки» давай не будем, да?

– Это точно... Слушай, а у тебя там личный состав есть? – живо и сразу по-деловому поинтересовался он. – Понимаешь, жрать охота, как из ружья, а уйти никак. Наши не могут, нет никого свободного, так что скоро не подвезут. Мужики скоро взвоят без горячего. Супца там не греете?

Я думал недолго.

– Сотовая уже обрушена, только с городского могу позвонить.

– А че, рации нет, что ли? – удивился он.

– Да откуда?..

– Плохо, плохо. Обзаводись. Тогда из машины брякнем, у меня там транк. – Он тут же придумал способ связи, голод не дядька.

– Только девки заботятся пешком сюда идти, – вслух подумал я. – Можешь послать своего? Оголять пост ему явно не хотелось.

– Ты же в «Орхидее» сел?

– Ну. Присел.

– Ну да. А им по набережной можно идти! – выкрутился Степанов. – Напрямки, и здесь к блоку поднимутся, по тропке. Я бойца поставлю на мост – он сверху всю дорогу будет их прикрывать, так что пусть не писяют, безопасность обеспечим.

Годится. Позвонив в «Орхидею» и обозначив девушкам оперативную задачу, я принялся выяснять обстановку в центре.

В центре власти практически нет.

Эвакуацию выживших начали оперативно, сначала показалось, что большинство спасшихся вывезли в лагеря, остались лишь те, кто категорически не пожелал бросать свое. Теперь выясняется, что таковых не пять человек, и не пятьдесят – это проблема, многие уже пожалели о таком решении; по слухам, и «лагерники» не очень-то довольны судьбой. Я их понимаю, воля есть воля.

Энергосистема и связь накрылись в центральном районе Адлера практически сразу же, лишь по некоторым участкам светят фонари и зачем-то горят светофоры, но и их скоро отключат, нет резона. Так что теперь и там Темные Земли. Зона, елки...

Здание УВД вскоре было блокировано и захвачено, где оставшиеся менты – непонятно. Кем захвачено – тоже. Пока полиция заняла под базу небольшой район частных домов за дорогой, у бывшей птицефабрики, кто смог, туда и вывез семьи. Люди на посту устали. Вполне может быть, что ментам придется передислоцироваться в аэропорт, обрушив мост, – постоянно пытаются пройти машины новообразованных бригад из числа тех, кому в центре кусков не осталось. Их пока с трудом, но отгоняют. Все трупы из города вывезти так и не смогли: по словам спасателей, часть осталась лежать в запертых гостиницах.

За речкой и до погранпоста Псоу стоит Государство – в виде жалких осколков структур и редких общин типа моей. Ближний опорный пункт армии у «Магнита», там обосновались мотострелки, у них есть БТР-80 и БМП-1, по нынешним временам очень серьезная сила. А вот личного состава мало.

Так выглядит второй заслон на южном направлении. Основные же силы вояк стоят на юге, у самой границы. Мост через Псоу просто взорвали. Хм, может, и мне свой взорвать?

– Как в Абхазии? Мертво?

– Да как у нас, по ходу... Полная неочевидность потерь. Хреново то, что власти там практически нет, теперь остатками населения правят банды или вояки, непонятно. Правят они плохо, власть часто меняется, к нам лезут все, кому не лень. Пофиксили и погасили две попытки прорыва на нашу территорию грузинских диверсионных групп и разведки.

– Этим-то зачем? – усомнился я. – Земля теперь свободна, у них потери наверняка больше, чем у нас.

– А на будущее забиться, на перспективу отхватить! Ну и злость никуда не делась. Да и ресурсы здесь и там разные, прикинь, сколько вокруг Сочи всяких складов.

Парадокс! Своего вдосталь, дел до задницы, а лезут. О процентах потерь в МВД и конкретных числительных его подразделения я не спрашивал.

Сразу скажу – вскоре само собой сложилось правило: не вычисляй, пока не кончилось, не тни к себе взгляд Судьбы. И так видно: на все Заречье наберется лишь десятков выживших. Даже если учесть, что в это время года район практически безжизнен, процент погибших просто чудовищный, ведь отдыхающие, персонал и заезжие строители в районе все равно были. Кто-то из владельцев ремонтировался, кто-то строил новое, кто-то к открытию готовился, завозил припасы, обкатывал персонал, тут он часто меняется, повара, официантки и гризетки постоянно мигрируют, ищут лучшей доли.

Сейчас пошли потери вторичные, от поджогов, стихийных пожаров и аварий, по состоянию здоровья и криминалу. «Скорая» по центру не работает, да и в Заречье такую помощь заполучить проблематично. Реальных бандосов немного, для них в Сочи тоже «несезон», а вот гопников и возомнивших о себе лишку удалых хватает, некоторые торопятся отвинтиться от закона с шумом, а хапнуть с треском. За центральный рынок и универмаги центра битва идет постоянно, там то одни, то другие пытаются заявочный кол вбить.

– Подключиться не хочешь? Пока пальбы мало, видать, слабые бригады бодаются, – явно для проформы поинтересовался старлей.

– В этих размаклевах крысиных копать не буду, – хмыкнул я.

– И то верно. Пусть мочат друг друга.

Оставшиеся фээсбэшники отступили в аэропорт, где вместе с погранцами организовали устойчивую базу; численность выживших – силовиков и мирных из персонала с семьями – за двести человек, остальные эвакуированы на Красную Поляну. «Авиаторы», как их называют, один раз приезжали сюда на «бардаке», знакомились, налаживали взаимодействие. Несколько самолетов остались стоять на земле. Вертолеты изредка летают, вот давеча один ушел в горы. И как я не заметил? Наверное, хлестался в это время у мостика. У аэропорта развернут еще один блок, он перекрывает дорогу к Главному Кавказскому хребту – там все жестче и напряженней. Особо умных, решивших прорваться в Ставрополье горными тропами, оказалось предоста-

точно, как и подготовленных к тому «УАЗов», – джипинг в районе развит, им многие частники в сезон занимаются, бабосы приколачивают. Потому стрелять на том посту уже начинают.

Два раза менты на двух «Уралах» ходили в рейд по Центру, только недавно вернулись, забирали адресно, по точной наводке, выводили людей по собранным звонкам. ФСБ сначала тоже занималась выводом населения, но сейчас они что-то притихли. Всех вытасненных до сих пор собирают в порту, копят, потом отправляют на Поляну.

Есть и обратный ручеек, к великому удивлению администрации, их тоже тормозят на дороге. Хотя тут нюанс: власти понимают, что территорию в порядке можно содержать только живым населением, поэтому они и заинтересованы в группах, как моя. Иначе капец, хаос и разруха свалятся на грешную землю уже через неделю, потом хрен что восстановишь.

Заправку на «Ремтехсервисе» закрыли сразу, топливо вывезли. Ближайшая отсюда спокойная – на Каспийской, там тоже армия. А вот АЗС на той стороне реки, что на Авиамоторной, вся в разборках, разные борзые пробуют отместить ее к себе. Нужно бы с этим разбираться, конечно, да у полиции сил нет.

Огромный олимпийский спорткомплекс в Имеретинке остался без власти, его на второй день отключили от энергии за нерациональностью затрат, и вроде бы организованных людей там нет, хотя точно никто не проверял. Рядом с комплексом в Бухте стоят зенитчики, их сам комплекс не интересует, у парней другие цели.

Пока мы разговаривали, один из сержантов вышел на мост и приглашающе махнул рукой, облокотившись о перила – кто-то из девчат идет, еду тащит.

– Вы не напугайте моих. Смотри, чтоб не баловали, – остерег я старлея, так, на всякий случай. – В другой раз не пойдут.

– Все нормально, не бойсь, – осклабился тот.

– А я не боюсь, – спокойно сказал я, продолжая заглядывать ему в глаза. – Ты лучше сержантиков своих предупреди, чтобы без блажи дурной, а то ведь за своих голову откушу до самых погон.

– Ух ты, боевой какой! А скажи, боевой, ты нас поддержишь с фланга, если че?

Не, ну просто молодец, Суворов, на!

– Чем? У меня фомка вот есть, так пойдет?

Старлей искренне удивился:

– Ты, че, Гарик, без оружия живешь!? Ну, ты даешь...

– Самый умный, да? – закипая, прошипел я. – Эмчеэсники вот тоже удивлялись. Я че, рожу стволы, сам себе папа-Калашников? Магазин какой подскажешь, где они на прилавочке? Или склад без замков, только без лечебы. Нагрузить вы горазды, а вот помощи – болта! Вы как с другой планеты рухнули! Сидите себе на жопе ровно да на всем готовом, думаете, что и все остальные так гладко живут? Откуда у меня ствол возьмется!

– Заревел лось! Да ладно, я ж типа за заботу... И про «ровность» ты зря, – обиделся Степанов. – Работаем честно, выкладываемся.

– Зря, не зря, а просвистели ваши силовые эти «тарелочки», или чем там на нас «генку» вкидывают, теперь всем скопом огребаем. Так что ты сочувствие вырази, да материально, подкинь из запасов, вот и дело будет!

– Так у нас только штатное! Я ж тоже складов не имею! – разорался и он.

Впрочем, и остыл сразу же, на кого кричать-то. Своих почти ноль...

– Давай спокойно. Поинтересуюсь вечером у нашего капитана, может, что у соседей-армейцев спросит.

Мне подумалось, что скоро оружия на бедной нашей планете будет куда как больше, чем оставшихся в живых людей, способных им воспользоваться. А что толку – дорога ложка к обеду... Ладно, перекантуемся, а там что-нибудь придумаю.

– Слушай, резкий, а давай я тебе из конфиската подкину. Миненко докладывал, что утром кой-че отбирал у абхазов, пока я в штаб ездил. Пошли-ка, глянем!

Вот! Знал я, чувствовал! Это ж мент!

Мы направились к армейской палатке с печкой, временному жилью постовых. Это лагерь. Три матерчатых кресла, столик раскладной, кострище, жестяной мангал стоит, ящики какие-то, банки пустые кучкой – нормальная полевая жизнь. Еврораскладушка с матрацем на улице, это чтобы накоротко отдохнуть. Все укрыто под зеленым армированным тентом.

К дереву был проволокой прикручен синий рукомойник, рядом с ним стояла бочка с технической водой. В тени рядом – пластиковые бутылки с водой питьевой, явно из «Магнита». Генератор сбоку тарахтит, топливо к нему в двух канистрах, провода тянутся к палатке и к блоку. На посту, кстати, имеется телевизор: в щели бетонного столба торчит ржавый костыль, а на нем висит маленькая «плазма» на ремнях – нигде такого больше не увидишь.

– Че по телеку идет?

– Только местное, мы же на «рога» ловим. У тебя там спутниковая тарелка есть?

– Да есть такая, только каналы платные, уже поотрубались. Забугорное не берет, а как переключиться или настроить, не знаю.

– Да, сейчас карточкой не оплатишь, сети нету...

– Спец нужен.

– Сейчас всем спец нужен. И во всем.

– Эт точно.

После такой короткой ворчливой переключки Степанов, что-то окончательно для себя решив, наконец-то, вскрыл свой Самый Главный Ящик.

– Так, что мы тут имеем? – Старлей азартно, как записной Гобсек, склонился над серым дощатым ящиком с трафаретными надписями, как над сундуком со златом. – Ага! А че, пойдет для начала!

Он вытащил что-то и тут же закрыл крышку. Что он там хранит, скопидом? Золотишко изъятые, вперлось бы оно кому сейчас... Инерция сильна ведь.

– От! Держи! – гордо произнес он, протягивая мне большой черный револьвер.

Впрочем, не совсем черный, местами воронение потерлось, облезло – «наган»! Взял в руку, отметив, что эту легенду держу второй раз в жизни.

– Отличная штука, патроны хватай. – В другую руку лег позвякивающий матерчатый мешочек, весь из себя пасторальный, из какого-то ситчика, что ли, с голубыми цветочками. Вот народ у нас! Женка с заботой шила, муженьку в дорогу.

– Сколько маслят?

– Посчитаешь сам, – предложил он и тут же сам и ответил: – Штук сорок будет. Че, не приходилось таким пользоваться?

– Таким нет, я все больше «тошкой».

– Ничего, освоишь, смотри...

Старлей быстро и умело продемонстрировал мне основные операции, собственноручно набив барабан длинными желтыми патронами.

– Зверь! И все просто. Не «виндовс», свинтишь.

– А кобуры нет?

– Извиняй, – старлей Степанов смешно вскинул брови, одновременно разводя руки в стороны. – Да у тебя бабы есть, пошлют, гы-гы. С цветочками.

– Ага. Приспособим... Ну, благодарствую, офицер, запомню.

Полицейский даже чуть полюбовался собой – вот ведь какой радетель.

– Постой! Рацию держи.

Гобсек опять нырнул головой в заветный сундук, напомнив мне знакомую цаплю, и вытащил простенькую «моторолу» с зарядником, записал и вырвал из блокнота небольшой листок в клетку.

– Это наша частота, ниже армейцы. А фээсбэшников и сам не знаю, и век бы их не знать. Уже совсем искренне я пожал ментовскую лапу.

– Гарик, вы там ничего необычного не замечали?

– В каком смысле?

– Да ладно, пока и сам не знаю, как спросить. Забудь.

– Ладно. А я ведь что приехал... Вечером тут армяне появятся, это ко мне.

Предупредив постовых об ожидаемом пополнении рядов общины, я попрощался, сел в джип и неторопливо поехал к «Магниту». Теперь самое время и с армией познакомиться.

Огромное серое здание с красными буквами и в мирное-то время не особо дышало жизнью и излучало оптимизм, сейчас же вообще напоминало зловещую ставку Главного Злодея. Длинная стая серебристых проволочных тележек тянулась вдоль боковой стены, никто так и не прибрал брошенное имущество. Вот такой антураж вполне актуален – проволочно-колесная апокалиптика, дождались архитекторы полной гармонии творения со средой.

Прямо передо мной на дороге стояла пятнистая БМП-1, опасно вытянув орудие «Гром» в сторону реки. Башенный люк поднят, но никто не высывался. Не дожидаясь реакции на появление машины, я сразу свернул влево, покатив по проезду.

Большая площадь перед центральным входом с белой разметкой асфальта была почти девственно пуста, лишь два джипа стояли поодаль – маленький «Дастер» и большой белый «крузак-двухсотка». А возле самого входа – игриво-зелененький «бэтр», причем не восьмидесятый – хреново мент Степанов лакшит в «военке», – а раритет, где только взяли: БТР-60 ПБ с открытым верхом. Пулемет развернут на дорогу, но уже не на мост, а в сторону Абхазии.

На второй дуге висят какие-то цветные тряпочки, трусы, что ли, сушат? Артисты.

Один боец с автоматом за спиной сидел на борту, этот в мою сторону и глазом не повел – настойчиво крутил в руках маленький радиоприемник, пытаюсь выжать из эфира что-либо не шипящее. Под «броней» стояли два стула, вытященных из универсама, на них сидели двое. Один что-то быстро сказал в рацию, еще раз глянул на меня и уточнил – ясно, их уже предупредили, молодец, Степанов:

– Ты, что ли, смотритель местный?

– Ага, положенец... Гарик Залетин.

Он вытянул из нагрудного кармана блокнотик, заглянул:

– Енисейский, так?

Во дают. Я кивнул.

– Лейтенант Мокшанцев, можно просто Валера, – сказал он, протягивая руку.

– Служил со мной в роте Мокшанцев, – вспомнилось мне давнее.

– Из Мордовии? – сразу оживился командир и, дождавшись подтверждения, добавил: – Кто-то из родни, у меня родни много. Но ты удостоверение все равно покажи, порядок, сам понимаешь...

В этот раз я достал и развернул ксиву уже ловчей, почти привычно.

– Что-то будешь набирать? Нагребай.

– Лимиты есть?

– Да никаких лимитов, мы ж разумные люди. Только учти, эскалатор на второй этаж не работает. Хотя там подъем не особо крутой, вкатишь.

После такого резкого предложения я крепко задумался. Прокол! Поехать-то поехал, а вот что нужно набирать, не совсем в курсе, не поинтересовался. Снабженец, на... Нахапаю щас дурного, потом бабы мне голову отвернут. Что-то не подумал, плохо.

– Телефон городской у тебя пашет? Заявки сбить не успел.
– Сразу после дверей, слева... Слушай, Гарик, а ты че, без ствола гуляешь по участку? Я почувствовал, как белеют от злости скулы. Он тоже... увидел и сделал шаг назад:
– Ты че, парень? Я ж пошутил! Брякнули уже менты по трубе, просили помочь.
– А то, что уже достали вы с этим вопросом, такие заботливые! Просили его... Нет ствола, только револьвер. – Я распахнул джинсовую куртку.
Совершенно неожиданно для меня глаза летехи округлились.
– Это что, «наган», что ли?
– Он самый, менты помогли.
– Дай посмотреть.
Мокшанцев жадно схватил револьвер в руки.
– Так он дореволюционный! Офицерский, деникинский.
– И что? – напрягся я.
– Слушай, у меня такого еще нет! Я ж типа коллекцию собираю, ну! И у наших ни у кого такого нет.

Нормальный ход, сидят тут у продмага, коллекцию стрелкового оружия собирают, трусы на «бэтэрах» сушат. На секунду во мне вспыхнуло горячее желание вкатить ему в рог так, чтобы его самого нужно было на дуге сушить. Но я тоже быстро остываю. Живут мужики, службу тянут. Самое начало, кто знает, что их впереди ждет. Да и ответка прилетит по полной, это вам не гопники.

Служба, она штука такая. Разная.
– Махнемся? На выбор?
– На «калаша», – подхватил я азартно.
– Автомата жок, – даже расстроился он. – Есть пара гладких стволов, против собачек самое то. Пистолеты есть, так, что я могу тебе дать... Короче, могу на «макарку» махнуть, могу «стечкин» предложить. С кобурой-трансформером, патронов много вкину. У меня «стечкиных» три штуки, дам лучший.

Умения торговли присутствуют в любом деловом человеке, работа такая, рамсы по жизни всегда пилятся. «Стечкин» ему не нужен, и штатного завалишь. Стволы есть и еще будут при такой работе, а желание заполучить искомое перевешивает все ТТХ-резоны, недавно очевидные любому сетевому мечтателю, а ныне просто наивные – продать лишнее не получится, а сам не используешь.

И вот сейчас мы тобой, Мокшанцев, нагло воспользуемся.
– Не едет такая телега, дядя. – Сжав губы, я качнул в отрицаловке. – Как в мультфильме детства, «маловато будет». Делись щедрей, еще защемишь на шмонах.
– Обрез ижевский даю, «вертикалка»! Двенадцатый калибр, зверюга! Поясной патрон-таш полный, там разные набиты, и пачка крупной дробы, больше нету. И на «калаша» забьюсь; как только добуду, сразу брякну, мне их не мариновать. А ты в Системе, значит, наш, должен быть вооружен.

«Стечкин» мне знаком, эксплуатировал такой когда-то. Покрутил, прицелился, кобуру примерил.
– Как раз под твою лапу шпалер, – одобрил летеха. – Только очередями не сажай, хрен удержишь.
Я посмотрел на него, как на маленького. Да он и был маленький.
– Удержу. Патронов под пестоль сколько дашь?
– Да сколько хочешь, хоть цинк заberi. Пошли, покажу, в магазине лежит, где очками торговали.

Я и взял цинк. Так что первой знаковой «покупкой», сделанной мной в адлерском гипермаркете «Магнит», стали патроны для АПС – полный сюр. «Передайте пачечку, я штрих-код сниму... Ринат! Сбегай, посмотри, у меня код на патроны не идет!»

После звонка девушкам, довольно долгих споров на той стороне трубы и согласования позиций, необходимых к добору, я, получив свой «список Магнитского», битый час провалялся по этажам огромного магазина. Кроме меня, там затаривались еще несколько человек, все гражданские – это настолько мало для гулких площадей объекта, что мы в сюрреалистическом шопинге ни разу не пересеклись.

Ходил с тяжелой телегой два раза, запарился реально, взял прорву. Мне даже пришлось сложить задние сиденья, постепенно забивая упаковками с маслом, пачками сыпучих и макаронных изделий пространство до потолка. Потом настала очередь верхнего багажника, куда, среди прочего, я привязал четыре пустые канистры.

Помог Мокшанцев, любезно сообщив:

– Да че ты мучаешься, приезжай хоть каждый день.

– И то верно, мне еще заправиться надо.

– Знаешь, куда ехать?

Пару раз проезжая на такси мимо, место расположения АЗС я вроде помнил. О чем и сказал.

– Так точно, тут недалеко. Но вот дальше уже наших до самого Веселого не будет. Ты там где попало не болтайся, нарвешься на диверсов.

– А зенитчики?

Он покачал головой, не отрывая взгляд от вожаемого револьвера. Все, я тут лишний, тут любовь.

– Они свой пост не выставляют, это не их задача, заперлись в периметре, – наконец выдал он. – А вот мы мотаемся на «бэтээре», встречаемыми курсами с погранцами.

Забрав обрез с патронами и, таким образом, закончив на сегодня дела магнитские, я собрался ехать дальше, но споткнулся на последнем вопросе мотострелка:

– Ты «тарелки»-то видел?

– Так в самом начале, когда темно было!

– Не, я не про эти, – хмыкнул он. – Четыре часа назад над Бухтой прошли. Зенитчики одну завалили, уже у горы.

– Да ты что!

– Точно говорю. Фээсбэшники туда навинтили, а нас не взяли. Да мне и не надо, мутная тема, тут бы с земным разобраться... Федоров, и на меня возьми! Не, светленького! Ладно, бывай, заезжай с гармонью.

На заправку я прибыл уже почти знаменитым, о Гарики Енисейском здесь знали, даже представляться не потребовалось. КПВТ «бардака», стоявшего слева от бетонного козырька, сперва было качнулся на шум двигателя, но тут же отвернулся в сторону госграницы. Залив полный бак, я наполнил и все четыре канистры, правда, потом мне пришлось повозиться, перераспределяя груз. Закончив, я отошел в сторону, посмотрел на джип в профиль – тьфу ты на, как батяня с ярмарки...

Телефон на заправке работал, в отеле трубку взяла Линна. Выслушал доклад об обстановке, для начала узнав главное:

– А к нам дедушка пришел. Морячок!

– Какой такой морячок? – удивился я.

– Настоящий, в тельняшке и кителе, даже фуражка капитанская. Василий Семенович, ему лет шестьдесят пять, но вполне бойкий. Анекдоты рассказывает.

– Бойкий это хорошо. А бабушки к нему не прилагалось?

– Знаете, есть! Правда, не вполне бабушка... Вся в слезах, ее Ли́ка успокаивает.

Так, ребята, чувствую, пора мне гнать домой. Поездка в аэропорт отменяется, нужно приводить распухающую общину в кондицию. Скоро вечер, армяне приедут, пока разместим всех по лавкам, пока познакомимся.

А там и ночь – к ней готовиться нужно особо. Ибо ночь, чувствую, будет тревожная.

Поехал я, хватит пока путешествий.

Глава 4

Новые перспективы, находки и враги

Следующие два, точнее, полтора дня, я, можно сказать, бездельно провалялся с ангиной.

И до этого горло беспокоило, да все внимания не обращал – детский сад. Как можно было так вкрячиться. Юга, весна, которая здесь – лето, море – и ангина. Так и не понял, где схватил; вяло вспоминал об аптеке, а на деле лишь чайком горячим горло размягчал. Но тут уж конкретно прижало, температура скакнула вверх, и наши женщины начали меня крепить на постельный.

Я поворчал, для порядка потряс холкой да и слег без сил, немного повалялся. Наташили мне лекарств всяких модных, под угрозой сексуального насилия залили глотку омерзительным люгольным дезодорантом дегтярного цвета и вкуса – ну и падлючья же смесь, чуть не вырвало...

Только начали девки лечить папу, как в дело вмешалась Армянская Мама – бабушка Сирануш, реальная царица армянской группировки. Золотая женщина, век не забуду.

Она резко и жестко отмела всю порошковую медицину, выгнала «этих коз» и, применяя в разговоре старинные слова «взвар», «настой» и вообще забытое мной словечко «покой», взялась за меня по-народному, потчуя травами, мазями и чуть ли не сушеными лягушками. Я слушался, почти не сопротивляясь, так как уже через четыре часа активного вмешательства Царицы почувствовал себя реально лучше. Но матрац погреть пришлось, завалился, лишь изредка выползая на балкон покурить, пока Царица не видит.

Армяне полностью освоили «Парус» всего за несколько часов.

А к концу следующего дня слева от «Орхидеи» громкими – порой даже чрезмерно – и эмоциональными хлопотами бурлил «Мини-Ереван». Девятнадцать человек – это все, что осталось от родственных семей клана, – заняли этажи согласно внутреннему статусу и тысячами отработанной схеме расселения. К обеду красный кирпич стен «Паруса» со стороны «Орхидеи» еле просматривался за разноцветьем постельного и прочего белья, развешанного на веревках, а по галереям и гулким металлическим лесенкам затопали детишки. Вся эта движуха была крепко разбавлена трауром – сюрреалистично активным, словно люди хотели показной жизненной энергией заглушить скорбь и отпугнуть смерть.

И над все этим встала смотрящей бабушка Сирануш.

Плоховато еще я знаю национальные особенности народов Кавказа. Думал, там Ной, как староста, всем и вся понуждает... Но расклад оказался мудрее, у них налицо четкое разделение внутренней и внешней политики клана. Внутри ограды мини-отеля все определяет Царица, под которой ходят все, и Ной в том числе.

А вот снаружи ее голос не слышен.

Перед тем как свалиться, я успел провести общее собрание.

Очень короткое и без дискуссий, наверное, минут на пять, примерно столько и длилась моя тронная речь. Спич, он же вводный инструктаж, я продумывал заранее, даже пункты на бумаге набрасывал, вычеркивая из текста блатное, хотел по-доброму... Термины умные подбирал, вспоминал, что забылось, дополнял, когда вспоминалось. На деле вышло по-другому, грубей, может быть – эффективней. Только я вышел перед народом, как повалило меня не по-детски. Чувствую, мотает, долго столбом не выстою. И вообще мне как-то не до собрания – как-то того... по хрену все стало.

Большинство расселись за столики летнего кафе «Орхидеи». Так не пойдет. Выйдя из гостиницы, я специально остановился подальше и оттуда же начал говорить – все встали и подошли ко мне.

Листок из джинсы даже не доставал, руки трясутся, глаза не видят.

В итоге сказал совсем по-другому, куда короче и злей.

– Значит, так, люди... Я шас коротко прочерчу, и только по делу. Запоминайте хорошо, это серьезные слова серьезного человека. Живем общиной. Главный – я. Национальностей у нас больше нет, кроме одной, и называется она – «выжившие россияне». Будет нужно, тут и азербайджанцы появятся, и евреи, и греки, а на все ваши старые обиды мне забить и законопатить. Если кто услышанное в свой габарит не укладывает, то уходите обратно прямо сейчас, делайте нацанклав или топите в море от горя – оно рядом, всех примет, мне плевать... Как представитель власти, назначенный администрацией, заявляю, что лично я такие анклавов, так и не понявшие, что с нами реально произошло, буду при первой же возможности выжигать напалмом, так что прячьтесь лучше. Что думают в самой администрации по этому поводу, я не знаю, и меня это не интересует, хотя, чувствую, подход будет тот же. Короче, это чисто мой участок и здесь будет так, без байды. Потому что надоела мне вся эта нацвозня, довозились до того, что теперь вседохнем... В обнимочку.

Никто не рискнул перебить меня. И правильно сделали.

– Про все свои мудрые обычаи и гордые традиции вспоминать молча. Они, канешна, все были исключительно правильные и мудрые, как же иначе, только оказались в полной мере неработающим дерьмом, переварите это до молекулы. Потому что в Большом Честном Итоге мы, вместе со своими обычаями и понятиями, получили то, что получили. Не смогли ваши и наши народные традиции и обычаи сберечь спокойное. Все мы вырастили Уродов, и эти Уроды устроили Большой Кипеш. Не знаю, как по правде было, но думается мне, что это «генное говно» клепали все, кому не лень. Армяне против турок и азербайджанцев, турки против киприотов и курдов, грузины против нас, мы против американцев, американцы против всех, кто не на английской феньке базарит, корейцы против японцев, а японцы вообще против всех соседей, вместе взятых. И все, мать вашу, с Обычаями! Мудрыми! И древними добрыми традициями! Значит, будем теперь новые традиции создавать! Вы меня поняли?

Кто-то из слушателей шушукнул, кто-то пискнул, но все быстро стихло.

– Теперь такое... Это я уже о новых традициях. При обнаружении малейших признаков национализма инициатора процесса хлопну тут же в голову, невзирая на пол и возраст. Без суда, следствия и объяснений. Молча, подойду и порешу. Вот такая у нас новая традиция. Отныне это дело – Табу, такое слово вам просто запомнить?

Опять тишина. Глухая, страшная.

Потому, думать будут, оценивать. Сначала взбодрятся, потом без базара оценят – как так получилось? Почему не сработало? Почему не спасла мудрость многовековая?

– Итак, вокруг нас существуют, – я начал загибать пальцы, – администрация, вояки, менты, фээсбэшники какие-то в аэропорту чалятся, спасатели – эти нормуль парни... И остальные типа «мирные» и «не особо». И вот эти «остальные» для нас тревожны – без исключений. А потому все они до поры для нас «не мирные». Ной, прямо сейчас же назначаешь патруль из пацанвы, один хрен их дома не удержишь, так пусть шухерят всю набережную, от моря до автомоста. Рации ищите, где хотите! Остальное просто, мужчинам в ножи стоять, дамам крепость греть, детям слушаться с первого раза. Что еще... Рыдать только в подушку, хватит уже, отрыдались – сейчас под всеми земля остановилась, мы дальше жить будем. Плаксивую музыку не включать, громко не орать. Громкость разрешена мне и бабушке Сирануш.

При этих словах Царица благосклонно кивнула.

По-моему, она первой все поняла, что не удивило, глаза у старушки правильные – настоящему умному человеку, а не «наставника по возрасту».

– Детей у нас пока мало, и только из армянских семей. Но скоро будут и другие. Порите своих сразу, заранее, а если не можете, так я помогу. За любую драку между детьми наказание одно – топлю котят в Мзымте... С этого вся хрень и начинается. Больше личной инициативы, придумывайте решения сами. И вообще, чаще думайте, очень вас прошу... Друг за друга держаться мертво, своих не бросать, никому ничего не спускать. Предателей и трусов сажаем на кол.

Тут я тяжело кашлянул, горло как пикой пробило, е-мое, чуть не заплакал!

Тут же подскочила Лика, протянула стакан и платок. Я с трудом глотнул теплого чая с молоком – ненавижу такой коктейль, по горлу как наждаком прошлись.

– И последнее на сегодня... Всех подряд я спасать не намерен. Сколько наберу, за тех и отвечать буду – во весь рост. Остальные не моя забота, на то спасатели всякие есть, полиция и прочие бригады. Но кого уж взял, тех в обиду не дам, обещаю, отвечу перед всеми, как смогу... Зачем мне все это нужно? Скучно одному в беде париться. Я же на курорте. А если серьезно, то одиночки не выживут. И маленькие группы не выживут. И национальные группы не выживут! А мы выживем, обещаю. Вот так пока, расходитесь, че вспомню, потом скажу.

Но люди расходиться не спешили, невысказанные вопросы и невыраженные эмоции требовали своего. Даже меня не боялись, завелись, возбудились, обсуждений им хочется. Тогда вперед выступила маленькая сухонькая Сирануш, вылезла из ступы:

– Слышали, что нам Нахапет сказал? Мудро сказал! Этого вам достаточно, или еще и мне пояснить? Все за работу! Не поймете – сама выгоню за порог!

Вот как на Кавказе без аксакалов? Или без аксакалок.

Это я потом уже узнал, кто такой этот «нахапет» – слово от древнейших народов идет, несет в себе признаки глобального родового порядка, то есть определяет положение лица в патронимии, перевожу – по нарам распределяет, масти ставит. Ну и признаки социального есть, ибо означает оно Главу, причем в феодальных понятиях. По мне, так в правильных.

Гарик Нахапет... дорулился ты, Игорь. Итог, что ни говори.

Короче, меня оттуда под локотки уволокли.

Соседний магазин армяне бомбили без меня, да и неинтересно было, нет у Гарика хомяческой жилки. Иногда это обстоятельство, признаю, мешает жить. Но я так думаю – когда надо будет, тогда и возьму, самому не с руки будет – принесут. Азартно рыться в чужих закромах мне не по нраву, вот что я понял еще с лихих былых времен. Может, потому я там и не удержался. Ресурсов на поверхности планеты осталось столько, что на поколения вперед хватит, жадничать не надо. Правда, очень быстро выяснилось, что во всей общине так считаю только я один, все остальные хронически заболели погребной болезнью и готовы днями азартно шмонать и складывать.

Так что армяне сработали четко, магаз вскрыли быстро, навар добыли неплохой. Как прозорливо и предположили девчата, всякий «вечный» продовольственный сушняк в закромах имелся, включая дешевые конфеты и сухофрукты для компотов. Таскали всем миром, долго, но с удовольствием.

Через день Ной примчался ко мне с самого утра, я как раз через силу жрал ужасного вкуса целебный «кисель», который мне припасла бабка. Девчата его внизу тормознули, Ной коротко психанул, его быстро осаждали, напомнив порядки. Вика пришла, убедилась, что я уже проснулся, поставила чай – вовремя, горло так пересохло, что говорить невозможно. Помогла выпить первые глотки, за что чон рахмат. Я привстал и даже огладил ее по попке.

Девка взвизгнула, хохотнула, а я почувствовал, что оживаю.

– Разврат нам обещал, болтун, – скривила она пухлые губки.

– Вика, зая, ну какой такой с меня разврат... Собраться бы в целое, бляха. Давай пока представим, что это уже случилось, ох... зови Ноя.

Я сел на край кровати, медленно поворачивал головой – терпимо, почти не болит. Взял кружку, уже самостоятельно.

– Сколько нам нужно машин, Гарик? – вот так он начал, с порога и по-деловому. – Пока самое приличное не растащили и не пожгли!

У него отрастает густая черная щетина, знак скорби, опять обычай.

Машин... Каких машин? Больному человеку и такую мозговую нагрузку! Чуть не захлебнулся – зачем такое горячее?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.